

Роман Буревой

Призвать дракона

Роман Буревой
Призвать дракона

«Автор»

2009

Буревой Р.

Призвать дракона / Р. Буревой — «Автор», 2009

Это Мир изменчив и жесток. В нём есть море и горы, реки и степи, здесь в поднебесной вышине парят драконы, а в горных недрах рвут камень чудовища. И есть Иномирье, где обитают души людей, покинувших этот мир, и людей, ещё не рожденных. Что делать правителю, когда начинает звонить колокол мертвых, на что решится король погибающей страны, чтобы спасти свой народ – кого выбрать в союзники, если выбор надо сделать между драконами? Каждый день может оказаться последним для Мира. С юга надвигаются толпы степных кочевников, а собственный король подчас бывает страшнее дракона. И лишь три человека могут спасти этот Мир – юный чародей Эдгар, принцесса Райна и капитан королевских лучников Радомир.

© Буревой Р., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Пролог	5
Часть I	12
Глава 1	12
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Роман Буревой

Призвать дракона

Пролог

Елень

– Новый лук!
– Ни за что!
– Отдам свой панцирь взамен.
– Панцирь кожаный, а не из пластин хадха! Оставь себе.
– Прозрачный панцирь? Ну ты и жучила! Ни один лук не стоит самой крошечной пластинки хадха! Ну ладно... Новый кожаный панцирь и в придачу корзинку марципана.
– Корзину марципана? Где она? Где? Не вижу! – Рад принялся хлопать по карманам камзола и брюк.

Старые брюки из шкуры болотной ящерицы, доставшиеся младшему брату в наследство от Лугора, болтались на тощих мальчишеских ногах, и при каждом хлопке из дырявых карманов сыпались крошки. Рад был сладкоежкой, потому в карманах вечно таскал марципан и пряники, завернутые в листья лопуха или вообще ни во что не завернутые. Теперь все эти крошки, засохшие кожурки и шелуха обсыпали нарядные начищенные до блеска сапожки Елень, красавицы шестнадцати лет от роду и старшей сестры Рада. То есть Радомира, но полным именем его в неполные четырнадцать не величал никто.

– Вредина. Корзинка будет. Матушка обещала в базарный день подарить! – заверила Елень.

– Ах, обещала! Корзину-корзинищу. Небось ту самую, в которую яблоки мы собираем? Или ту, в которой ты нитки для вязания держишь!

– Нет у меня ниток! И спиц нет! Вранье! – яростно запротестовала девчонка, щеки вспыхнули, даже мочки ушей заалели.

«Лук и вязальные спицы друг с другом соседствовать не могут», – утверждал старший брат Марк, а Марк в семье почитали юным мудрецом.

– Ой, умру... Для Тима кошелек бисерный...

– Молчи, Рад!

– А корсет! Корсет купила! Я же видел, как ты в него затягивалась! Две служанки за ремешки тянули, чуть не лопнули – служанки и ремешки. А Тим тебе на ушко: «Моя елочка!»

Елень попыталась стукнуть его кулаком по загривку – не попала. Радомир ловко увернулся и, отскочив на безопасное расстояние, продолжал скалиться, выглядывая из-за корзины с яблоками. Просторный, мощный булыжником двор усадьбы был заставлен телегами долинников и корзинами, полными яблок, желтых и красных, каждое размером в два Радомировых кулака. Год выдался яблочный. Будут теперь и варенье, и сидр, и лимонад, и компоты.

Говорят, яблочный год – драконий год.

– Вредина! – похоже, Елень начала по-настоящему злиться. Но при этом все еще надеялась выменять у брата лук – на грядущих стрельбах в Альдоге без этого лука никак главный приз не взять. А Елень мечтала взять приз в этом году – стреляла она классно. – А карты? За карты отдашь лук?

– Какие карты? – насторожился Рад. – Ты что, гадать меня вздумала учить? Так это не ко мне, это к Анне с картами ступай.

– При чем здесь гадание! Ну ты и тупак! Карты географические. Старые-престарые.

– И что?.. – Радомир вытаращил глаза, изображая недоумение. – Старые карты – ненужные карты.

Отец говорил, что еще двадцать лет назад мир был совсем иным. А теперь что ни год, то рисуют новые карты, новые моря, новые заливы и мысы, новые острова. Старые карты уже ни на что не годятся – в них торговцы заворачивают рыбу.

– Во-первых, там горы нарисованы. Горы, к твоему сведению, почти не меняются, только побережье! Во-вторых, там дорога к сокровищам. Указано, где зарыты.

Сокровища! Перед подобным соблазном Рад не мог устоять, хотя и усомнился, что Елень правду бает.

– Идем, показывай свои карты, – сделал он вид, что соглашается через силу.

Солнце садилось, уже весь двор погрузился в сумрак, и только беленая стена главной башни и медная ее крыша горели на солнце, да еще солнечный закатный ободок полыхал на медной черепице стенного укрытия. Усадьба год от года все больше походила на крепость – обзавелась и каменными стенами и сторожевой башней, и глубоким рвом. Мост, правда, через ров сделали постоянный, а не подъемный, но он удобно простреливался с надвратных башен.

Они побежали к дому, лавируя между телегами и людьми с корзинами, по винтовой скрипучей лестнице взлетели на чердак. Самое верхнее овальное окно выходило на запад, и в этот час золотом переливались висящие под потолком старинные ковши и медные тазы, и легкие золотинки пыли плыли в воздухе, как звезды в небе.

Никогда больше в жизни Рада не было такого летнего вечера – пропитанного яблочным ароматом, пронизанного косыми лучами закатного солнца. Тот мир разбился, разлетелся стеклом, когда жизнь выверилась с неожиданной злобой.

Елень поманила брата в угол, к огромному сундуку, обитому медными полосами. Много лет назад он был заперт на большущий замок, но со временем одно ушко отвалилось, и теперь содержимое сундука становилось добычей каждого любопытного, который осмелился поднять крышку. То есть сделался добычей Елень, потому как любопытнее ее не было в замке человека. Среди полуистлевшей одежды и нескольких старинных логбугов в кожаных переплетах с застежками, таинственных книг, написанных на забытом ныне языке, Елень отыскала черную папку. Как и книги, она была украшена сверкающей белой пластиной с изображением дракона. Ящер с гребнем на голове и распростертыми крыльями свернулся кольцом в попытке ухватить себя за хвост. Говорят, много-много лет назад дракон летал по небу и плевался огнем, но потом он состарился и летать перестал, но огонь почему-то продолжал падать с неба, только все реже и реже...

«Гнев небесный иссяк», – радовались люди.

Но, видимо, рано. Настало время иных напастей.

– Вот, гляди! – Елень торжественно открыла папку.

Внутри лежали огромные листы бумаги, много раз согнутые, потемневшие с изнанки до коричневого оттенка, прорванные на сгибах, распространяющие терпкий грибной запах. Опять же на одном из сложенных листов Рад заметил значок дракона, белый на черном фоне. Затаив дыхание, мальчик развернул первый лист. Елень не обманула, это была карта. Цветная, сделанная в основном синей и коричневой краской. Причудливо изогнутый горный хребет, испещренные трещинами склоны. Казалось, кто-то рисовал их, глядя на мир с заоблачной высоты. Уродовала прекрасную карту грубо прочерченная красным извилистая линия. И еще в двух местах стояли жирные черные кресты.

– Что это? – прошептал Рад.

– Видишь, крест. Значит, здесь что-то зарыто, – без тени сомнения заявила Елень. – А вот это, гляди...

Она развернула вторую карту. Там тоже был хребет, только нарисованный куда более мелко, так что на карту поместился даже кусок Открытой долины. Что это Открытая долина, Рад узнал сразу – карта Долины висела у отца в комнате на стене. И опять же здесь была прочерчена красная извилистая линия. Дорога, если красным, конечно, отмечена была дорога, пересекала горный хребет через один из перевалов. Красная краска почти не пострадала от времени. Цвет был воистину алый.

Что было изображено на третьей карте, Радомир разглядеть не успел. Едва он потянулся к последнему, сложенному в несколько раз листу, как ударил колокол на башне.

– Ч-что это? – Елень подняла глаза на брата.

У нее были васильковые глаза. Иногда Раду казалось, что они светятся в темноте.

Колокол вновь загудел, куда более тревожно. Откуда-то издалека, из-за стены долетел то ли визг, то ли крик. Елень кинулась к лестнице. Рад бросил карты обратно в сундук и побежал за сестрой.

Во дворе больше не разгружали корзины с яблоками, народ сбился в кучу и все смотрели на князя. Отец стоял у колодца, обнажив меч, и кричал:

– Закрывай ворота! Женщины – в дом!

Все мужчины были либо во дворе, либо в подвалах, куда сгружали на зимнее хранение яблоки. Оружие держали под рукой в стойках у стены – секиры, мечи, луки, колчаны, полные стрел. Опять же в подвале хранились палицы да топоры. А вот панцири из чешуи хадха, оружие дорогое, штучное, держали в доме, в арсенале, и за ними уже никто не успевал. Кожаные камзолы – плохая защита от стрел и мечей. Правда, с волос мейнорцев стальной клинок соскальзывает, как санки в морозный день с горы, но от стрелы не защитит густая челка, стрела пробьет и лоб, и висок. Говорили, правда, что от лба короля Тигура стрелы отскакивали, но не у каждого мейнорца медный лоб.

Князь кинулся к воротам. Радомир, скатившись кубарем с лестницы, – вслед за отцом. Два старших брата успели выскочить из подвалов. У Лугора в лапищах игрушкой смотрелась секира, Марк прихватил двуручный меч. Рад и так был вооружен – колчан за спиной, в руках новый тугой лук, тот самый, который четверть часа назад пыталась выторговывать сестрица Елень. Лук отличный, сделанный Лугором, из такого можно пробить стальной щит с расстояния в сто шагов. Но броню хадха и ему не осилить, даже если Лугор самолично его согнет.

Наверное, все было бы иначе, если бы колокол ударил минутой раньше, и кто-нибудь успел затворить ворота! И не только затворить, но и заложить окованным медью брусом. Тогда беда обошла бы их дом стороной. Но не успели. То есть створки свели вместе два долинника, что привезли в усадьбу яблоки, а вот брус так и не встал на место. Лугор только-только принялся его опускать за скобы, когда с той стороны ударили в дубовые створки так, что оба садовника отлетели в стороны, а Лугора ринуло к стене. Он полуприсел, все еще сжимая в руках брус и глядя, как во двор неспешно вползает уродливая, похожая на огромный медный котел голова. Вслед за головой полезло громадное туловище на коротких и толстых ногах, прикрытое прозрачными пластинами. Радомир застыл на месте. Рука, поднятая к колчану за стрелой, так и замерла в воздухе, оледенела. Боевой хадх! Рад слышал о них, но видел в жизни впервые. То есть живого хадха он вообще видел впервые. А боевого – тем паче. На спине чудища восседали двое, прикрытые горбом-наростом, будто живой башней. Из-за ограды прозрачных пластин одна за другой тут же полетели стрелы, Раду повезло – первая ударила его в массивную пряжку на груди и опрокинула на землю. Уже лежа, видел он, как летят другие смертоносные стрелы-осы. Они летели и пели, и Раду чудилось, что поют они одно и то же, варварское, жадное: «Крови!». Мальчишка стал отползать, упираясь локтями и ладонями, елозя задом, брыкаясь пятками. Отползал, но почему-то не двигался с места и в ужасе смотрел, как надвигается на него чудище. Медленно, неотвратимо. Неожиданно кто-то ухватил его за шиворот и пово-

лок, а Рад все пинался и дергался, и только под прикрытием пустых дубовых бочек очнулся и понял, что оттащил его в безопасное место Марк.

Тем временем вслед за хадхом в незапертые ворота уже ломились загорелые парни в лохмотьях, вооруженные кто чем, кто кривым кинжалом, кто алебардой, а кто попросту топором – остатки северной армии, разбитой в начале лета и – как все были уверены в долине – выловленной и обезвреженной гвардейцами и королевскими стрелками. Только теперь выходило, что выловили далеко не всех.

Началась рубка, а вернее, сумбурная давка и свалка. Если бы не Марк, Радомиру пришлось бы туго. Потом рядом очутилась Елень, сама уже с луком и при мече, в легких доспехах из пластин хадха, успела, значит, сгонять в арсенал. Второй доспех она швырнула брату и выдохнула сквозь сжатые зубы:

– Не ссы!

Ах, Елень! Елень! Лучшей старшей сестры Рад и представить себе не мог! Она закармливала его марципаном, тайком пробиралась в кладовку, когда бывал Рад наказан и заперт, приносила яблоки и ветчину, тренировалась с ним на мечах и копьях, и в езде верхом. Она скрывала его промахи, хвасталась успехами, стреляла из лука лучше мужчин, и еще – позволяла таскать себя за косы (если не сильно) и никогда не сердилась.

Радомир сунул руки в проемы доспеха, Елень хлопнула его по спине, скрепляя застежку, вторым хлопком водрузила на голову шлем. И вовремя. Едва забрало опустилось, закрывая лицо, как пущенная северянином стрела ударила в щиток и раскололась.

– Двое со спины хадха стреляют по очереди! Рыжий в шлеме, он без доспехов, – голос Елень из-за забрала звучал сдавлено, глухо. – Можно залепить ему в шею. Второй, смуглый, в доспехах, надо послать бронебойную в лоб – пластину не пробьет, но оглушить может. Я беру рыжего. Ты – второго! – Елень натянула лук.

Что творилась справа и слева, Радомир не ведал. Знал только, что за спиной – пустые бочки и, значит, со спины опасность не грозит. А еще он видел хадха, слышал визг, крики, скрежет металла. И все еще бился в истерике колокол на башне.

Рыжий высунулся из-за прозрачных пластин первым. Стрела тут же вонзилась ему в шею и прошла навывлет, Елень, как обычно, не промахнулась. Убитый стал сползать с укрепленного на спине чудища седла, оставляя кровавый след, но зацепился сапогом за гребень и повис. Напарник рыжего только чуток сверкнул макушкой шлема и тут же затаился. Хадх размеренно шагнул дальше и был уже рядом.

Радомир схватил моток веревки, что лежал рядом с бочками и ринулся вперед. Елень тут же помчалась следом. План был прост: закинуть петлю на гребень хадха и успеть вскарабкаться, пока затаившийся наверху стрелок не заметил опасности. Заметить он все должен был почти сразу – пластины-то прозрачные. Как только петля обхватила гребень и Рад, перебирая руками и отталкиваясь ногами, полез вверх, стрелок кинулся к нему. То есть подставился под удар. Острый глаз Елень приметил не только щель между пластинами чудища, но и щель в доспехах на плече северянина, и стрела, пропев свою привычную песню «крови!», тут же впилась в тело. Когда Радомир очутился наверху, парень корчился от боли, пытаясь вытащить застрявший в кости наконечник. Радомир полоснул мечом, но клинок лишь зазвенел рассерженно, отскочив от брони. Тогда Радомир ударил северянина в незащищенное бедро, рассекая плоть до кости. Ударил два или три раза, пока Елень карабкалась по веревке вверх. Вдвоем брат с сестрой спихнули тела убитых стрелков вниз, уселись на скользкое от крови седло и взялись за луки. Каждая стрела Елень находила жертву, Рад все больше мазал, но троих (не меньше) он сумел подстрелить.

– Хадх наш! – кричала Елень дерущимся во дворе.

– Хадх наш! – вторил ей Рад.

Он ухватился за ременный повод и стал разворачивать неповоротливую тушу – назад, к воротам, чтобы перекрыть поток нападавших.

У северян почти не имелось стрелков – они надеялись на длинные и отлично выкованные мечи, но ни одна сталь на свете не могла пробить броню хадха, и теперь перешедший под чужое начало зверь давил с тупым равнодушием своих прежних хозяев. Стрелы у брата с сестрой вскоре закончились, но Лугор догадался привязать к веревке, что по-прежнему болталась на боку зверя, два полных колчана, и Рад втянул их наверх. В него тут же принялись стрелять – и не только чужаки, но и свои, не успевшие в пылу драки разобраться, что к чему. Две стрелы достигли цели, одна больно ударила в грудь, не пробив доспеха, вторая оцарапала обтянутую перчаткой кисть руки.

Хадх тем временем уже дошагал до ворот. Здесь монстр порезвился на славу. Радомир дергал повод то вправо, то влево, не давая новым бойцам проникнуть во двор, а Елень, оборотясь назад, стреляла, методично выбивая одного за другим бойцов северян. Лугор, все еще без доспехов, но вооружившийся двумя трофейными мечами, косил мародеров направо и налево. Марк, хоть и старший, но куда более слабый и мелкий (разумеется, в сравнении с Лугором), дрался рядом с отцом, прикрывая того щитом из брони хадха. Старшая сестра Анна посылала стрелу за стрелой из окна. Надо полагать, что стрелы подносила ей мать, а может и сынок, шустрый и ловкий карапуз шести лет.

Удача уже клонилась на сторону князя, самое время было мародерам отступить и спасаться бегством, потому что во дворе их уничтожали хладнокровно и методично, да и со стен били стрелами охранники и фермеры-долинники, что привезли яблоки в усадьбу, но попали не к столу с яблочными пирогами и сидром, а на кровавое пиршество.

«А ведь пироги в печь наверняка поставили, сгорят», – подумал несвоевременно Рад, и жаль ему стало до слез, что не будет ни ужина, ни пирогов, ни веселых шуток отца за столом, ни песен барда под простенькую мелодию лютни.

Как раз в этот миг, когда Рад отвлекся на мысли о пирогах и несостоявшемся ужине, кто-то из северян, сообразительный и ушлый, поджег сено на повозке, что застряла во время атаки на дороге недалеко от усадьбы. Пламя вмиг охватило возок, лошадь встала на дыбы, пытаясь выломиться из оглоблей, но северянин хлестнул ее изо всей мочи кнутом и погнал к воротам, на хадха. Хадх – животное спокойное, флегматичное даже, но огня боится до дрожи во всех четырех могучих коленках. Едва дым ударил чудовищу в широкие ноздри, как тот взревел, подался назад, дав сражавшихся без разбору, и вскинул голову, несмотря на то, что Радомир натягивал повод, терзая несчастному монстру губы в кровь. Под шеей у хадха есть незащищенная броней ямка, с нежной розовой кожей, только туда его и можно поразить и только если зверь задерет голову к небу. Как только страшная тварь задрала голову и сделалась уязвимой, несколько стрел и копий, и даже брошенный умелой рукой меч впились в лоскуток незащищенной кожи. Хадх стал валиться. Кренился он медленно, как огромная падающая башня, Радомир с Елень успели соскользнуть без труда. Лугор подоспел к ним и прикрыл младших двумя вращающимися клинками, и все они отступили к отцу и Марку.

Опять весы удачи качнулись в сторону северян. Качнулись и замерли: князь и его люди бились славно, не толпе мародеров было сладить с мейнорцем и его сыновьями.

Но странно вдруг зазвучал колокол – каждый удар его начал двоиться, и стоило только языку призывно ударить в колокольную медь, как тут же из-за стены отвечал усадебному колоколу другой – гудящий низко, протяжно, от этого звона мурашки бежали по спине, и холодный пот выступал на лбу.

Князь внезапно покачнулся, потом ухватил младшего сына за руку и приказал:
– Беги к калитке. Пробирайся полем к Герберту за подмогой. Лети как ветер!

В самом деле надеялся князь, что подмога успеет, или решил хоть одного из сыновей спасти и отправить в законное бегство с поля брани? Почудилась Раду в тот миг в голосе отца обреченность.

– Но как же! – растерянно забормотал Радомир, справедливо полагая, что его лук и его меч что-то да значат в этой свалке.

– Беги! – прорычал князь. – Зови помощь!

Приказа отца Рад не посмел послушаться. Только на прощание ухватил Елень за плечо и выдохнул:

– Держитесь!

– И ты держи! – она рванула с шеи золотую цепочку и вложила брату в ладонь медальон из молочного-белого камня с зеленым знаком внутри.

– Тиму отдать?

– Нет, ты держи... Ты!

Радомир кинулся к тайной калитке, что выходила на обрыв, где никто не мог его подкараулить, соскользнул вниз, напрямик в ров, в два гребка рассек зеленую стоячую воду, ринулся на склон, стал карабкаться вверх, оскользнулся, сполз на пузе, снова полез, уже осмотрительнее, цепляясь за корни и траву, и, оказавшись наверху, не оглядываясь, понесся полем, будто надеялся выиграть ежегодное состязание на Белой дуге. Легкие разрывало, воздух резал гортань невидимым ножом, в боку застрял тупой клин боли, а Рад все бежал и бежал – напрямик через поле, потом по дороге, бежал и видел впереди облако пыли и, лишь добежав до него, понял, что это отряд Герберта в полсотни клинков из домочадцев, слуг и фермеров спешит на дальний призыв тревожного башенного колокола.

Тим, жених Елень, и Гербертов сын, протянул мальчишке руку и втянул на лошадь, Рад уселся на круп позади всадника, ухватил одной рукой жениха сестры за пояс, второй – стиснул пылающее от боли горло. В ту минуту он был уверен, что умрет, потому что воздух не проникал в легкие. Рад лишь открывал и закрывал по-рыбьи рот, перед глазами все плыло. А в ушах гудели колокола. Два колокола били молотами ему в виски.

А потом внезапно смолкли.

* * *

Скачка показалась Радомиру вечностью. Хотя на самом деле домчались они минут за десять. Но все равно схватка успела закончиться. Во дворе стояла странная тишина. Друг подле друга лежали северяне и люди князя – не шевелясь. Лугор посреди окровавленных тел, все еще сжимавший два покрытых кровью клинка. Чуть позади него Елень. Отец, прикрывавший собой Марка, и Марк, казалось, заснувший, примостивший кудрявую голову на шуйце отца. Дверь во внутренние покои северяне даже не пробовали ломать – смерть настигла их, прежде чем они добрались до крыльца. Но напрасно Рад звал мать и сестру, напрасно кричал, что опасность миновала. Ему никто не отвечал. По стойке, подпиравшей нарядный балкон, младший сын Герберта вскарабкался вверх, и оттуда донесся его полный изумления вскрик. Когда, спустившись, он открыл окованную медью дверь, а Радомир взбежал по деревянной лестнице в покои сестры, то увидел прежде всего мать, сидевшую недвижно в кресле и как будто заснувшую. Под окном, с луком в одной руке и так и не выпущенной стрелой в другой, спиной привалившись к дубовому сундуку, сидела Анна. Малыша ее отыскивали под кроватью – то ли он сам туда забился, то ли женщины велели ему спрятаться – но ребенок затаился в дальнем углу. Ни одной царапины не было на его теле. Стась, казалось, спал. Но только казалось.

Со звериным ревом кинулся Радомир вниз, сжимая в руке клинок, если бы нашел из северян кого живого, вбил бы ему клинок по самую рукоять в горло, растерзал бы, загрыз. Но никто

не выжил из мародерской орды – ни одного раненого, ни одного живого не осталось ни с той, ни с другой стороны. Все, как будто уснули. Но сон тот был вечным.

Тим держал невесту на руках, гладил ее лицо и приговаривал:

– Ни одной царапины... поглядите только, ни одной царапины...

Радомир рухнул на камни двора, в грязь и кровь. Он хотел умереть. Но не смог.

Часть I Эдгар

Глава 1 Кайла, дочь Марты

В этот раз зеленые просторы поляны снов Эдгар проскочил в два прыжка. Трава на поляне снов невысокая, густая, нежная как шелк, так и хочется прилечь, прижаться щекой. А небо над нею – чистейшая синева, столь прозрачная, что, кажется вот-вот увидишь звезды днем. Ночи здесь не бывает, светло всегда – золотой свет льется отовсюду. Дальше, за поляной снов, шла черная земля, без единой травинки или деревца, как всегда, присыпанная пушистым пеплом, и небо над нею клубилось тяжелыми облаками, то синеватыми, то ржаво-красными, то сумрачно-черными. В пепле виднелись плоские камни.

Эдгар остановился на границе, прикидывая, какой камень выбрать для первого прыжка. Камни всякий раз ложились по-разному, в зависимости от того, чья душа уходила к реке. В этот раз первый камень был далеко от границы поляны снов. Кайла успела сделать шагов десять по пепельным полям, длинная белая рубаха волочилась по земле, подол сделался черен от пепла. Плохо. Чем темнее рубаха, тем быстрее будет идти Кайла к реке.

Эдгар разбежался и прыгнул. Тут главное не заступить, не коснуться ногой черного праха. Но и слишком рано отрывать от живой поляны снов резона нет. Эдгар прыгнул удачно – оттолкнулся почти у самой границы и приземлился на ближайший камень. Нога не соскользнула. Следующий прыжок был не сложен. Дальше камни выстроились цепочкой. Эдгар проскакал, не останавливаясь, до самого большого валуна как раз посередине цепи. В детстве они так играли. Детство было вчера. Или еще не кончилось?

– Осторожно! – прокаркал пеплоед Карл прямо над ухом. – Камень большой, да скользкий. Многие на нем спотыкались. Даже учитель Георгий соскользнул однажды. Сам видел!

Пеплоед был размером с кулак, остренькая длинная мордочка и огромные черные глаза, шкурка серая, как пепел, и такая же пушистая. Когда он опускается на пепельные поля и закрывает веки, ни один даже самый острый глаз не может его заметить. А когда Карл поднимался в воздух, то между лапками у него натягивались перепонки, как у белки-летяги.

– Не бойся, не уйдет! – заверил пеплоед. – Я ей что-нибудь на ухо спою. Колыбельную, к примеру. Колыбельная многих лишает прыти. Торопись! Девчонка из стафферов, не мейнорка, ей на пепельных полях дольше десяти минут находиться не след.

Эдгар уже почти настиг беглянку, но еще не мог до нее дотянуться. Да и нельзя этого было делать пока. Девушка брела, склонив голову, будто под тяжестью надетой на шею веревки. Реальная веревка оставила на ее шее красный след. Пеплоед закружил над девицей, и сразу же полилась колыбельная. Жалостливая, протяжная. Но старался Карл напрасно: девушка не обратила на песню никакого внимания. Или все же обратила и потому замедлила шаги?

Эдгар закричал.

– Кайла! – в его первом крике был гнев.

Девушка вздрогнула и вскинула голову. Услышала. Уже хорошо. Теперь главное, чтобы она обернулась.

– Кайла! – теперь он окликал ее мягко, почти благосклонно, будто обещал прощение.

Девушка больше не двигалась к реке. Она стояла. Вернее, тихонько топталась на месте, поворачиваясь.

– Кайла! – в третий раз он произнес ее имя, как произносит возлюбленный, обещая любить вечно.

Она наконец повернулась и подняла голову.

Короткий обрывок срезанной веревки болтался у девушки на груди. Длинные светлые волосы слегка колебал ветер. Не ощутимый для Эдгара ветер, ветер, уносящий души в иномирье. У реки, говорят, он превращается в ураган, гоня души, как палые листья. Но Эдгар еще ни разу не доходил до реки. А кто доходил? Говорят, только Учитель Георгий побывал на тех берегах. Потому он и возглавляет Обитель.

– Милая, ты должна вернуться, – сказал Эдгар сухо и строго, таким тоном говорят наставники с провинившимися учениками, лекари с теми, кто бедокурит вместо того чтобы принимать горькие лекарства. – Дай мне руку.

Он протянул ей ладонь. Чтобы вернуться, уходящая душа должна была сделать шаг назад. Каждый, кто возвращается, должен сделать этот первый шаг сам. Если не сможет, его уже не вернуть. Говорят, кто-то может сделать шаг назад, дойдя до реки. Говорят, душа Тигура была на это способна, трижды он умирал и трижды возвращался сам, без помощи выкликателя. Но Эдгар не ходил дальше первой гряды камней. Хотя и это – долгий и опасный путь. Обычный выкликатель только и делает, что пересекает зеленую поляну, зовет души из иномирья с кромки – привычные к возвращению души.

– Тебя ждут! – добавил Эдгар резко и нетерпеливо.

Кайла шагнула. Он перепрыгнул на соседний камень, ухватил ее за руку и рванул к себе. Какая тяжесть! Неподъемная боль! Налипший на подол пепел весил куда больше хрупкой девчонки. Эдгар застонал от невыносимости груза.

Надо было не просто удержать душу, но еще и вернуться, ступая только по камням. При этом выкликатель должен оторвать беглянку от черной земли, потому что очень скоро земля превратится в огненную лаву. Эдгар сцепил руки в замок, прижал к себе девчонку, стиснул зубы и сделал первый прыжок. Получилось, он приземлился точно на камень. Еще прыжок. С подола девчачьей рубахи отваливались куски горячего пепла. С каждым прыжком Кайла становилась легче. Еще прыжок, и еще. Тут ткань не выдержала, измазанный в пепле подол оторвался. Осталась рубашонка чуть выше колен. Теперь они стояли на последнем камне, с которого надлежало перепрыгнуть на зеленую поляну снов. Девчонка помещалась рядом с Эдгаром и весила совсем чуть.

– Видишь зеленую траву-мураву? – спросил он.

– Вижу... – с трудом выдавила Кайла – так говорят больные глотошной болезнью. Травник называл ее «ангиной».

– Сейчас мы туда прыгнем. Там хорошо. Прохладно...

– Это поляна снов, – тут как тут очутился рядом пеплоед Карл и уселся на плечо Эдгару. – Здесь такие чудные сны попадают, могу показать парочку. Припасены нарочно для вас. Давно мечтал посмотреть в хорошей компании.

Придерживая одной рукой девушку за талию, Эдгар другой осторожно снял с ее шеи веревку и бросил в черный пепел. Веревка вспыхнула, весело заплясали, пожирая смертную петлю, желтые огоньки.

– Мы должны допрыгнуть, – уточнил Эдгар.

– Хорошо, – безучастно отозвалась Кайла.

– Я могу помочь, могу держать ее за руку! – предложил пеплоед.

– Лучше слезь с плеча, – сказал Эдгар.

Кайла не протестовала, но и не собиралась помогать выкликателю. Для нее на зеленой лужайке не было ничего манящего. Сны, которыми так восхищался Карл, были чужими снами.

– Прыгаем! – крикнул Эдгар и рванулся вперед.

Он все же задел одной ногой черный горячий пепел. Хорошо, что одной. Потому что сумел, преодолевая бешеную боль ожога, нырнуть вперед и покатиться по земле в обнимку с девчонкой. Он закричал от боли и все кричал, кричал, пока катился. Кричал, когда вскочил, а потом, припадая на обожженную ногу, ковылял вперед, все дальше от черной границы, волоча девчонку за собой. Она спотыкалась, падала, едва шла. Он орал, выкрикивал что-то нечленораздельное, обливаясь потом, и изо всей силы сжимал ладошку спасенной. Никогда прежде зеленая поляна не казалась ему такой огромной. Когда пускаешься в погоню, поляна кажется узкой полосой, прибоем жизни у границы смерти. Но сейчас... она была как бесконечный зеленый пузырь, который растягивался и растягивался в длину и ширину, и лишь где-то впереди маячил смутный растекшийся желток приоткрытой двери. Пеплоед опустился на траву и прыгал следом, на ходу пытаясь приложить к обожженной ноге выкликателя сочные стебли сонной травы.

Эдгар уже осип от крика, когда внезапно ощутил, что пальцы коснулись нагретой бронзовой ручки двери. Он толкнул ее и вывалился наружу, все еще продолжая кричать. Последнее, что он запомнил, так это то, что руку девушки он так и не отпустил.

* * *

– Эдгар! Эдгар! – кто-то брызгал ему в лицо водой.

Выкликатель с трудом разлепил веки. Крик медленно перешел в невнятный сип. Он лежал на кровати, а женщина в коричневой кофте (мать Кайлы, Марта) плескала ему в лицо холодной водой из кувшина. Не сразу Эдгар сообразил, что боли в ноге нет. Кроме усталости и ломоты во всем теле он больше ничего не испытывал. На всякий случай он потянул вверх подол своей темной хламиды и посмотрел на ноги. Босые, не слишком чистые ноги. Никаких следов ожога.

Эдгар выхватил из рук женщины кувшин и сделал большой глоток. Вода была холодной и замечательно вкусной. Он только теперь вспомнил, что видел каменное кольцо колодца, когда неся на истощный женский крик через мощный двор к большому просторному дому. Валеку мчался за ним, не поспевая, в кожаной сумке звякали инструменты.

«У-удавилась! Из петли вынули!» – орали в доме на два голоса.

Эдгар вбежал в просторную комнату и увидел на руках у хозяина девушку с петлей на шее. Короткий обрывок с растрепанными хвостами болтался, не доставая до полу. Видимо, кто-то в ярости кромсал веревку тупым ножом, торопясь освободить несчастную.

– Не дышит... – причитала Марта, прижимая руки к груди. – Ох, зачем я, дура, уезжала! Вот же, потянуло старую дуру братьев да невесток навещать! Не у-углядела! – Марта, сдернув с головы крахмальный чепец, принялась дергать себя за светлые, явно крашенные волосы.

– Он лекарь, – Эдгар вытолкнул Валека вперед. – Займись...

Дверь в соседнюю комнату была распахнута, там он увидел то, в чем нуждался прежде всего – деревянную кровать с периной и горкой подушек, одна другой меньше и пышнее. Он скинул на пол простыни и матрасы, и пирамиду подушек, улегся на голые доски, вытянулся и толкнул воображаемую дверь из теплых сосновых досок с бронзовой узорной ручкой. Дверь, в которую минуту назад вошла Кайла.

Дверь, за которой лежала зеленая поляна снов.

* * *

– Вы за ней приглядывайте, не пускайте ее никуда одну, – поучал Валеку хозяйку, раскладывая на столе на три кучки сушеные листья. – Она ведь снова в петлю может полезть. Такое случается, уж поверьте травнику.

– Она вроде как не в себе, заговаривается, – осторожно сказала хозяйка.

– Пройдет! – уверенно заявил Валек.

«Не пройдет», – хотел сказать Эдгар, но промолчал.

Девчонка, скорее всего, так и останется блаженной до конца своих дней. Песенки будет петь, бормотать всякие глупости. Часть души ее сгорела на пепельных полях, мейнорец бы прошел без вреда, но стафферу такое не под силу. Эх, если бы Эдгар не оступился во время последнего прыжка, он бы сумел исправить все на той стороне. Теперь уже поздно лечить настоящим обожженную душу.

– Вас-то хотя бы узнала? – спросил Валек.

– Узнала, – всхлипнула хозяйка.

– Ну и хорошо, – кивнул поспешно травник, – ну и ладненько.

В самом деле хорошо. Двор у них богатый, дом ладный, жаль только, что расположен близко к низинным землям, хотя и не у самой границы. Хозяин, если не дурак, выдаст дочку за кого-нибудь из долинников, кого море выгнало с насиженных мест. Нарождает Кайла деток, здоровых да пригожих, чтобы радовали стариновское сердце на закате дней.

– Вы ей траву заваривайте. Три листа на чашку воды, поутру давайте выпить. А эту – к вечеру. А эту... – Травник с сомнением посмотрел на черные скрюченные листья, в которых уже почти не осталось силы. – Листья каменного гостя давайте только, если она злиться начнет или кричать...

– Это еще зачем она будет кричать? – Марта глянула на Валека подозрительно.

Добродушно-заискивающее выражение с лица будто стерли мокрой тряпичкой, губы сложились в тонкую ниточку.

«Неужели она?» – Эдгар взгляделся в настороженное, ставшее похожим на птичье, лицо.

– С побывавшими на той стороне такое случается, особенно в первые дни после возвращения, – спешно забормотал травник, как будто оправдывался. – Потом пройдет, – опять соврал Валек.

Он всегда лгал в таких случаях родственникам пострадавших, силы духа не хватало говорить правду. Один раз его за это вранье побили. Причем сильно.

Хозяйка сунула в ладонь Валеку два темных больших кругляка – серебряные монеты, сразу видно, из схрона достала, чтобы отблагодарить спасителей дочери.

– Я ваши имена каждое утро поминать буду на восходе, чтобы день для вас вышел добрым, чтобы не обратили на вас внимания небеса, – пообещала хозяйка.

– Это уж непременно, – скривил губы Эдгар. – Без такого помина пропадем. Пропавшие – страшные люди.

Хозяйка испуганно ойкнула, Эдгар же подобрал с полу подушку, сунул под голову и закрыл глаза.

Дверь с медной ручкой тут же отворилась, Эдгар шагнул на зеленую траву поляны снов. Только никуда он в этот раз не пошел, а, повернувшись, стал смотреть на дверь. Смотрел до тех пор пока преграда не начала растворяться, бледнеть, теперь со стороны поляны снов он видел, пускай и смутно, мир реальный. Эдгар мысленно протянул руку и схватил Марту за запястье. Еще миг, и он втянул женщину в иномирье – не всю, только голову, и еще плечо, руку... В иномирье Марта выглядела совсем иначе – серое, ничем не примечательное существо с усохшей птичьей головой, с птичьими желтыми испуганными глазами.

Заглянув в эти часто-часто моргающие глаза, выкликатель понял, что ошибся, не убивала Марта дочери, и разжал пальцы. Серое существо тут же скользнуло назад. Эдгар прошел следом в дверь.

В реальности все выглядело так, как он и предполагал: Марта сидела в деревянном кресле, держась за грудь. Валек хлопотал возле нее, тыкал в губы глиняной чашкой и повторял:

– Пейте!

Она с трудом сделала глоток, помахала пухлой ладошкой.

– Ох, как схватило... все, думаю, умру... и померещилось что-то такое... такое... такое... – Марта не находила слов.

– Пейте! – наставительно повторил Валек и, глянув поверх белого крахмального чепца хозяйки на Эдгара, осуждающе покачал головой.

– Сейчас полегчает, – пообещал выкликатель, отворачиваясь.

– Уже, уже... – залепетала согласно хозяйка. – Питье ваше просто волшебное!

* * *

– Зачем ты это сделал? – спросил Валек строго, когда Марта, прихватив мешочки с травами, покинула комнату.

Валек был старше Эдгара на три года и всегда играл роль опекуна или покровителя. Порой это выходило комично.

– Из-за имени. Ты же помнишь, в замке Монака кто-то успел нацарапать «Марта» на камнях.

– Может быть, так звали чью-то невесту или дочь. Или... – Валек всегда предполагал что-нибудь хорошее, искал оправдания, он был адвокатом на любом процессе, Эдгар – прокурором, причем тоже всегда. Правда, прокурором, который самую серьезную ситуацию мог превратить в шутовскую.

– Может и так... Но не исключено, что кто-то узнал убийцу и вывел на камнях ее имя.

– Не эта же клуша! – возмутился Валек.

– Вспомни, что говорил Учитель Андрей: иногда выкликатель может затаиться, лечь на дно. Особенно если у него нет могущественного покровителя. Бывает, он годами живет как обычный стаффер, только изредка отлучается, чтобы поехать к брату или тетушке. Якобы. На самом деле отправляется пить души. Хозяйка как раз сказала, что отлучалась недавно. Великий Руддер! Я сразу ее представил в зловещем плаще с капюшоном. Она бы шикарно в нем смотрелась, не то, что в своей рыжей кофте.

– Да не она это. И ты знал, что не она! – Валек разозлился. – Ты просто в очередной раз захотел поглядеть на голую душу, как другие заглядывают под платья... Сколько раз Учитель говорил, что нельзя этого делать. Это же подло!

– Это не подло. Она такая добрая на вид, такая любящая... я хотел увидеть любящую душу. Обожаю разглядывать любящие души. Хочешь знать, какая у нее душа?

– Нет, не хочу, – спешно отрекся Валек, сообразив, что, сказав «да», тут же перейдет в разряд подсматривающих.

– Серая у нее душа! Тусклая и серая. Как шкурка хомука. Но мы можем в ее доме безопасно отдохнуть пару дней, не загрызет, не отравит. Кормить будет кашей да хлебом. Может быть, даже сливок к каше предложит. Ты монеты спрячь в потайной карман: она их непременно назад потребует, если узнает, что дочка заговариваться будет до скончания дней.

– Ты собрался здесь отдыхать? – изумился травник.

– Все равно до следующего утра мне не встать. Глупо отправляться спать к соседям, если мы спасли дочь хозяйки. Извлечем максимум полезного из данной ситуации.

– Да ты смеешься! Мы уж десятый день бежим. И вдруг – целые сутки торчать на одном месте!

– Северная граница далеко. Говорю, здесь безопасно. И это не та Марта, я проверил.

– Я бы не сказал, что Монакское княжество осталось далеко. По мне, очень даже близко до границы.

Но, видя, что друг в самом деле не может подняться, Валек махнул рукой и принялся заваривать сушеные листья каменного гостя, чтобы напоить густым черным отваром Эдгара, а заодно и спасенную девчонку.

После возвращения Кайлы Эдгар почти все время дремал, но на блаженных травах сонной поляны проводил не более получаса – Толстый Карл непременно выталкивал его в явь.

– Нечего тебе тут делать сейчас. На сон какой-нибудь чудной засмотришься и не вернешься.

– Я же не питаюсь снами, как ты...

– Иди, иди! Вижу, тебя к пепельным полям тянет! – Карл, взобравшись на плечо, толкал выкликателя лапками в затылок.

– Мне с тобой скучно, – выговаривал Толстый Карл. – Почему тебе все время снится одно и то же? Нет, что-нибудь новенькое – замок какой-нибудь сказочный, принцесса-куколка, турнир, состязание менестрелей. Или ты забыл, что я питаюсь снами? Эту зеленую полянку я и так все время вижу. Каждый день и каждую ночь. Надоело!

– Карл, хватит бурчать. Лучше скажи, на этой стороне случается, что колокол гудит?

– Откуда здесь колокола, Эдгар! Сам посуди! Где такой колокол может висеть? Кто в него бить станет!

– Он ниоткуда звучит. И висит нигде.

– Ты слышал такой колокол?

Эдгар кивнул.

– Тебе показалось. Может, это ветер выл, а ты решил, что колокол.

– А Марта... ты знаешь, кто такая Марта?

– Из выкликателей?

– Вероятно.

– Знаю. Но тебе с ней на этой стороне лучше не встречаться. Она только дунет – ты улетишь напрямиком к реке. И уже не вернешься.

– А на той стороне? В реальности?

– Про ту сторону я ничего не знаю. Та сторона для людей, пеплоеды туда не заглядывают.

Глава 2

Таверна у дороги

Князь Монакский, владетель замка и небольшого, но цветущего круга земли, послал за Эдгаром, чтобы вызвать душу для будущего второго ребенка. Прислал авансом несколько серебряных монет, провожатого и охрану с лошадьми. Когда речь шла о жизни, Эдгар всегда брался за дело, даже если путь был далекий и награда сомнительной. Жизнь сама по себе того стоила. Впрочем, выкликателю зачастую не говорят, чего от него хотят: заверяют, предстоит свадьба, везут за десять лиг и привозят вовсе не к праздничному столу, а к запертым воротам крепости и, приставив нож к горлу, требуют: выкликни душу хозяина замка или придет тебе самому конец. Тело выкликателя уязвимо, как и тело любого человека, стаффер он или мейнорец. Невдомек грозящим, что выкликатель дает либо жизнь, либо смерть. Наемный убийца не может вдохнуть при зачатии новую душу, а зовущий души не способен убивать.

Однако в этом случае ни Эдгар, ни Валек не подозревали подвоха: Монакского князя Эдгар знал лично, два года назад он выкликнул для него душу первенца, новое путешествие не сулило никаких неожиданностей.

Но только они тронулись в путь, как услышал Эдгар дальний протяжный звук, едва уловимый, смутный, тревожный. Звук столь дальний, что выкликатель не разобрал, что это такое. А ведь прежде он его уже слышал. Подъезжая к замку, еще издали Эдгар увидел на башнях и стенах сидевших рядком черных птиц с голыми красными головами. Ворота были распахнуты, и на земле, привалившись спинами к обитым медью створкам, лежали стражники в стальных доспехах. Показалось сначала, что опились они легким пьемонтским вином и уснули. Да только по лицам парней ползали черные мухи, и раздувшиеся безобразно щеки покрылись трупными пятнами. Валек хотел сразу же повернуть, но Эдгар спешился и осторожно вошел во внутренний двор – он всегда шел до конца. Учитель Андрей как-то сказал, что Эдгар непременно дойдет до реки иномирья, если не оступится.

Во дворе было не лучше – обитатели замка, будто в сказке о спящей княжне, все остались на своих местах, конюхи в конюшнях подле павших лошадей, кухарки и повара – на кухне возле погасшей плиты и корзины со сгнившими овощами и квашней с прокисшим тестом. Князь с княгиней лежали друг подле друга в спальне, будто мирно почивали. Подле изголовья матери стояла колыбель малыша. Заглядывать в нее Эдгар не посмел – внутрь заглянул Валек и зашептал слова, отводящие беду и сразу следом заклятия от летучей хвори. Судя по всему, смерть настигла всех обитателей замка ранним утром.

– Болезни тут ни при чем, – сказал Эдгар. – К счастью или несчастью, ни одна хворь не убивает мгновенно. Кто-то выкликнул души с той стороны, всех разом увел в иномирье. Более сорока человек... Какова же должна быть сила у этого гада!

Он отвернул ворот рубашки хозяина замка, но не для того чтобы нащупать пульс – и так было ясно, что князь умер дней пять назад, то есть как раз тогда, когда Эдгар с Валеком отправились в путь. Выкликатель искал медальон, который носит каждый мейнорец на шее. Но у князя не было медальона, хотя с первого взгляда было видно, что и он, и его жена принадлежали к высокому роду Мейнора. Не было медальона и у его супруги. Их сын еще не носил на шее амулет – его знак привешивали к колыбели, на полу у кровати выкликатель отыскал обрывок цепочки.

– Уходим! – прошептал Эдгар и попятился, потому что почудилось ему, что в ясный день солнце начало внезапно меркнуть.

Уже повернувшись и шагнув к двери, заметил он на стене нацарапанное наискось и в спешке имя. «Марта». В спальне князя на только что оштукатуренной и украшенной чудесными фресками стене никто просто так не будет царапать надписи. У самого пола чей-то кин-

жал глубоко вспорол краску и штукатурку, дошел до кирпичной кладки, из острых порезов сложив женское имя. Эдгар ощутил на миг всю ненависть, которую вложил неизвестный в эти пять букв. Значит, между жизнью и смертью было несколько мгновений, которых хватило, чтобы вывести надпись на стене.

Внезапно на башне ударил колокол. Будто не медь загудела, а ветер завыл в горах.

– Колокол мертвых! – ахнул Валек. Ошибся, конечно. Будь это колокол мертвых, не ушли бы отсюда они живыми.

Из замка они бежали быстрее ветра, охрана с лошадьми неслась впереди, Эдгар и Валек сзади в безуспешной попытке догнать конных. Не догнали. Провожатые унеслись галопом, а выкликатель и травник, отдышавшись, сжевали по три листа каменного гостя, запили водой из фляги Эдгара – не отважились пить из ближайших колодцев или ручья, – и пешком отправились назад в Открытую долину.

Только в тот момент до Эдгара дошло, что, отправляясь в путь, он тоже слышал гудение колокола. Очень-очень далеко.

Именно в тот момент князь и вся его семья, весь двор расставались с жизнью.

* * *

На рассвете Эдгар, в очередной раз открыв глаза, понял, что силы к нему вернулись. Несколько минут выкликатель лежал, вслушиваясь. Нет, прав Толстый Карл, пожиратель снов, пригрезился мертвый колокол. Страх бьется, гудит в ушах – вот и постилось невероятное. Хватит валяться и думать о немислимом – пора собираться в путь.

Эдгар вскочил и разбудил Валека, нехитрые пожитки в пять минут затолкали в котомки. На кухне служанка налила им по стакану молока и отрезала по лохматому куску свежего белого хлеба. Хозяйка привела Кайлу проститься с ее спасителями – с выкликателем да лекарем, который ей в рот воздухом дышал и на грудь давил, смерть прогоняя.

Одета девушка была в чистенькое платье из зеленой фланели с желтым узором, голова обернута белым шарфом так, чтобы след от веревки на шее не разглядеть.

– Благодарствую, люди добрые, – она поклонилась низко, шарф соскользнул. Перед глазами Эдгара вдруг очутилась тонкая девичья шея с красной полосой, прикрытая светлыми завитками шелковистых волос.

– Пусть дорога вам под ноги платком мягким стелется, – подсказала хозяйка.

– Пусть дорога стелется... – пролепетала девушка и выпрямилась, как кукла.

В голубых глазах ее стыл тусклый покой без искорки протеста или боли.

– Вашему дому пусть солнце светит ярко, – пожелал Валек. – Чтобы обрядник в свадебный колокол ударил поскорее.

Выкликатель лишь кивнул на прощание, ничего сказать не сумел – так горло сдавило.

И они двинулись в путь. Дорога стелилась желтым платком, как наговаривала Марта.

Но прежде чем выйти за ворота, Эдгар надел на медную цепочку еще одно звонкое серебряное колечко. Еще одна душа, которую он не пустил к реке смерти. С каждым таким колечком выкликатель становится сильнее.

* * *

Они вышли на околицу деревни и остановились. Вернее, остановился Эдгар, а Валек на него налетел.

– Ты слышишь? – спросил Эдгар.

– Что?

– Колокол.

Валек прислушался.

– Нет, это ветер... только ветер, – проговорил Валек, но голос его дрогнул.

– Случай с князем Радом помнишь?

Валек кивнул: он знал наизусть рассказ учителя про гибель мейнорской семьи в низинных землях. Но там вообще было многое непонятно: и неведомо откуда взявшиеся северяне, и боевой хадх, хотя хадхи остались только на юге в раздольях великого Свипера, и выпитые души. Единственный уцелевший говорил, что слышал мертвый колокол. Но может быть, он придумал это потом, когда понял, что все родные ушли за реку? Скорее всего, с нападавшими пришел выкликатель, способный звать на ту сторону. Сильный... такой же, как тот, что побывал в замке Монака. Совсем даже не исключено, что пил души один и тот же ловец, хотя между этими двумя случаями разница более десяти лет. Но выкликателей не так много на свете, а такой, что умеет звать души живых в царство мертвых, да еще с полсотни за раз – вообще наверняка один.

Сразу же за деревней дорога ныряла в лес. Было как-то слишком темно на этой дороге, и ветер завывал, и качал кроны. Или все же в самом деле гудел колокол, и значит, кто-то на ту сторону уводил очередную душу?

– Дорога идет на юг к лучевому тракту, каждый шаг удаляет нас от северной границы, – напомнил Эдгар. – Если так страшно, считай шаги.

– Послушай, а там, когда ты на той стороне, – осторожно спросил Валек, – нельзя узнать, что случилось?

– Ты спрашивал это уже раз десять, – отозвался Эдгар, – говорю: пеплоед не знает. С той стороны на эту мало кто заглядывает. Один я такой урод.

По утреннему холодку друзья отшагали часа два, потом крестьянин, что вез на ближайший рынок зеленый лук да редиску, позволил двум путникам посидеть на не слишком загруженной телеге до перекрестка, взяв с них в качестве платы пучок сушеной травы от головной боли, коей маялся уже полгода. Оглядывая западные поля низины, ненаблюдательный путешественник мог бы решить, что край этот процветает. В самом деле, поля были распаханы и засеяны, каменные дома под железными или крышами выглядели добротно, дороги были запружены людьми, сады цвели буйно, обещая осенью яблочно-грушевое изобилие. Какие еще знаки достатка и благополучия требовать от этого края? Можно и не заметить черные обугленные развалины, что возвышались вдаль, не увидеть залитое водой поле и автоматически обогнуть огромную ямину на дороге, заполненную водой цвета мутной стали.

Но Эдгар эти знаки видел и подмечал.

* * *

У перекрестка в таверне друзья остановились отобедать. Предвидя поток гостей, спешащих в это время на ярмарку в столицу, хозяин велел работникам сбить из сосновых досок столы да скамьи, чтобы путники могли перекусить в дороге прямо под открытым небом. И не прогадал: у коновязи было не протолкнуться, за новенькими, пахнущими смолой столами сидели человек двадцать и бодро работали ложками, поглощая огненно горячую похлебку со свиной, фасолью и с красным жгучим перцем, который растет только в теплицах.

– Да защитят тебя своды, добрый хозяин! – сказал Эдгар. – А доброта твоя равняется ширине плеч! – не удержался выкликатель от шутки.

– Пусть не обратят на вас внимания небеса! – оскалился в ответ кабатчик.

По темной хламиде, а главное, по цепочке с серебряными кольцами хозяин узнал в путнике выкликателя и тут же согнулся в поклоне, а, распрямившись, повел гостей к крайнему столу. Был хозяин широкоплечим, светловолосым и круглолицым. Судя по сноровке

и выправке – в прошлом добрый боец. О чем и шрам на загорелой руке, покрытой светлым пухом, говорил красноречиво.

Когда-то, рассказано в древних книгах, которые видел, но никогда не читал Эдгар, с небес каждый день падал жидкий огонь и выжигал на добрую квадратную лигу все вокруг. Защищались от того огня как умели, закапывались в землю, строили города с медными крышами и медными жалами, уходящими в землю. Но потом огонь стал падать все реже и реже и выжигал земли все меньше и меньше, пока наконец вовсе не перестал буйствовать. Будто неведомый злобный дракон, что живет в облаках, состарился и не смог больше плевать в людей огнем. Случались летом грозы, молнии били в деревья и крыши, попадали в людей. Но это был уже другой огонь, его называли «храп дракона». Опасность осталась в прошлом, но как встарь люди желали друг другу, чтобы своды защищали надежно от грома с небес и чтобы небесный дракон не выбрал путника своей жертвой.

Эдгар с Валеком двинулись к крайнему столу. Шли не по траве – перепрыгивали с камня на камень, что лежали среди зелени. Ходить по траве как истинный травник Валек считал большим грехом, если можно было топтать мертвое, не касаясь живого. Эдгар же после путешествия по пепельным полям всегда старался ступать только на камни. Тренировался для следующего визита в иномирье.

Хозяин усадил гостей на новенькую скамью в тени огромного дуба.

– Две миски похлебки и две кружки эля. – Валек выложил на стол одну из серебряных монет, полученных от Марты.

Хозяин вновь поклонился и тут же почти бегом устремился в таверну – его ждали другие клиенты – обычные торговцы и крестьяне, ремесленники и лицедеи, что спешили в столицу. За соседним столом обосновалась крестьянская семья: старуха в черном фланелевом платье, женщина, молодая, растрепанная, в серой застиранной кофте и такой же серой широкой юбке, и тучный мужчина, бородастый, в соломенной шляпе и коротких широких портах. Чем может быть опасен этот толстяк, уминающий пухлый белый хлеб с ломтем доброй ветчины? На первый взгляд – ничем.

Но именно такой смиренный и милый толстячок может подойти сзади и вонзить под лопатку нож по самую рукоять. Однажды Эдгара уже пытались убить, и было это три года назад. А тогда у него не было еще нынешней силы. Выкликателей многие боятся и многие ненавидят.

– Угощайтесь, дорогие гости! – хозяин, обернувшийся на кухню и обратно почти мгновенно, поставил перед гостями две миски с похлебкой.

Здоровяк лет восемнадцати, судя по соломенным волосам и круглой физиономии, сын хозяина, принес две кружки эля, хлеб, пучок продолговатой бело-розовой редиски и зеленые пупырчатые огурцы. Верно, поблизости стеклянная теплица имеется, раз в это время огурцами гостей потчуют и для похлебки не жалеют перца.

Хозяин высыпал из огромной ладони пригоршню разнокалиберных медяков, зазеленевших и влажных, собранных в спешке с других посетителей, чтобы выдать сдачу выкликателю и его спутнику.

– Ничего боле не надобно, господа путешествующие?

– Разве что добавки! – Валек с удовольствием втянул носом исходящий от миски аромат.

– Это сколько угодно и за счет заведения, – пообещал, расплываясь в волчьей улыбке, хозяин.

Наверняка этот тип брал с гостей плату с расчетом именно на добавку, чтобы наивные путники изумлялись щедрости кабатчика. Впрочем, если похlebка хороша, почти все наверняка требуют вторую поварешку. Видя, что гости ни о чем больше не просят и за стол не приглашают, хозяин отошел, но тут же подозвал к себе сына и приказал следить, чтобы подле выкликателя и его спутника никто больше не садился.

* * *

– Отличная похлебка, – заметил Валек.

– Не дурна. Знаешь, в детстве мечтал стать хозяином таверны, чтобы есть от пуза, – признался Эдгар. – Когда перестану ходить на ту сторону, мигом располнею. Потому что чревоугодие всегда кончается огромным пузом. Впрочем, огромным пузом кончается не только чревоугодие. Меня тянет говорить пошлости. Значит, в ближайшее время что-то мерзкое должно случиться.

Оправившись после путешествия в иномирье, выкликатель всякий раз начинал болтать без умолку, и Валек давно приучился эту болтовню терпеть.

– Далеко зашел? – спросил Валек. Он обожал слушать рассказы о той стороне и в мыслях вновь возвращался в иной мир снов и отлетевших душ.

– Не дальше, чем в прошлый раз. До середины цепочки доскакал. Но я и дальше пройду без труда. Сила есть. Камни близко лежат. Главное – заставить душу повернуться вновь лицом к жизни – вот это самое сложное.

– Сколько раз звал?

– Трижды. В четвертый взял под контроль. Душа у нее слабая, но по дороге смерти далеко ушла.

Валек понимающе кивнул. Сам он тоже в прошлом готовился стать выкликателем, по зеленой поляне гулял не раз, по камням дважды скакал не хуже горного козла. Его, кстати, Учитель не меньше хвалил, чем Эдгара. Но во время третьей прогулки Валек прыгнул неудачно, угодил в пепел у самой границы, побежал назад в горящей хламиде и вывалился в дверь. Более на ту сторону он не ходил. Тем, кто двумя ногами в черном пепле стоял, путь в иномирье заказан. Переучился Валек на лекаря-травника. До того как поступить к Андрею в подмастерья, он изучал лекарское мастерство у живущего в Альдоге целителя, будто предчувствовал, что не стать ему ловцом душ. У каждого выкликателя должен быть свой травник, задача лекаря – раненых перевязывать, пока выкликатель их души в иномирье ищет, да самого выкликателя после тяжких трудов отпаивать настоями.

– Плохо, что я оступился, – признался Эдгар. – В последнем прыжке. Последний прыжок – самый коварный. Мнишь, что уже в безопасности – и на тебе, промахнулся.

– Не страшно. Учитель Андрей пять раз оступался, и ничего. Он лучше всех выкликал, дальше всех заходил, – едва речь заходила об Учителе, как в голосе Валека непременно начинали проскальзывать восторженные нотки.

– Значит, у меня еще есть четыре попытки, – весело ответил Эдгар. – Без груза не оступлюсь. Учитель доходил до самой реки, и я дойду. Жаль, в той речке купаться нельзя.

– До реки никто не доходил, кроме самих мертвых, – строго сказал Валек.

– Тогда откуда мы знаем, что там есть река? – резонно заметил Эдгар.

– Мне однажды говорили... – Валек вздохнул и не стал уточнять, кто именно говорил, – если поймать пеплоеда и содрать с него шкуру, то можно безбоязненно шагать по горячему пеплу. Только обувь эта на один раз. С собой ее на эту сторону не унесешь.

– Его зовут Толстый Карл...

– Кого?

– Пеплоеда, который встречает меня на той стороне. Питаются они не пеплом, а снами. Я даже не знаю, могут ли они ходить по пеплу или просто сидят на мелких камнях, не отличимых от серого праха вокруг. Вот уж не думал, что ты присоветуешь сдирать с друзей шкуру.

– Да я просто так, к слову... – смутился Валек. – Этот Толстый Карл, он тебе помогает?

– Делает вид, что помогает. Во всяком случае, кричит громко. От крика иногда бывает толк, души пугает, назад гонит.

– Госпожа, я сказал, нельзя... этот стол весь для господ, – послышался растерянный голос хозяйского сына.

– Там же есть место, что за дела! И от дороги далеко, не пылит, и в тени под деревом. Да отстань ты! – раздался капризный и в то же время приятный женский голос.

Валек и Эдгар как по команде обернулись. К их столу твердой походкой направлялась молодая шикарно одетая дама. Судя по островерхому головному убору, украшенному легкой вуалью – замужня, лет двадцати, не более, напудренная и нарумяненная, даже запах фасолевого похлебки не мог перебить аромат розового масла, идущий от дерзкой госпожи. Сын кабатчика напрасно пытался задержать красотку – она шествовала напрямик к столу Эдгара. Шелковая ткань на ее коленях трепетала при каждом шаге. За госпожой семенил маленький паж, разряженный в какие-то пестрые немислимые тряпки, с огромным страусовым пером на берете. Паж нес шелковую подушку госпожи с золотыми кистями и, чтобы не отстать, то и дело сбивался на бег. Впрочем, стоило приглядеться, как становилось ясно, что никакой это не ребенок, а карлик на маленьких ножках с непропорционально большой головой взрослого человека. Служанка, широкоплечая и дородная тетка в скучном коричневом платье и белом крестьянском чепце, шагала вразвалку следом, держа в руках нелепое опахало со страусовыми перьями. Вся группа создавала впечатление нелепое, комичное, и у Валека невольно губы расплзлись в улыбке.

– Вы же не будете жадничать и уступите мне половину скамьи? – спросила женщина, останавливаясь возле Эдгара.

Паж протянул госпоже лазоревую шелковую подушку.

Обычный парень непременно сказал бы «садитесь, госпожа» и еще бы встал или хотя бы подвинулся. Валек, к примеру, тут же вскочил.

Но Эдгар не сказал ни слова. Он нырнул в иномирье. Спрятался за дверь с бронзовой ручкой, мысленно ухватил красивую руку дамы в тонкой перчатке и рванул на себя. На миг. Потому что душа тут же вырвалась и исчезла. Но за этот миг Эдгар успел разглядеть змеиную голову и двуострое жало.

– Смерть! – заорал Эдгар и скатился со скамьи.

В то же мгновение женщина левой рукой выхватила из подушки кинжал и нанесла удар, короткий и точный, без замаха. Клинок должен был войти Эдгару справа в печень – смерть обещала быть не мгновенной, но мучительной. Да, кинжал должен был войти в плоть, но не вошел. Удар пришелся в воздух. Эдгар попытался схватить руку женщины, по инерции ушедшую вперед, но не сумел. Правой она ударила его кулаком в лицо и вновь попыталась вонзить кинжал, но в этот раз ей помешали. Человек в черном камзоле, возникший неведомо откуда, перехватил руку красотки и мгновенно вывернул кисть. Тогда ударить попытался паж – подушка для сиденья, как подушечка для иглолок умелой мастерицы, была набита колющими предметами на любой вкус. Но чтобы добраться до Эдгара, пажу надо было обежать свою госпожу и человека в черном, и на это время ему не хватило: подвели короткие ножки. Подоспевший тем временем хозяин таверны попросту оглушил карлика ударом палки. Настал черед служанки показать, на что она способна. Толстуха легко вытянула из ручки опахала отличный клинок правой рукой, а левой рванула подол и, как плащом, обмотала кисть левой руки.

Человек в черном отшвырнул красотку и тут же извлек меч из ножен. Женщина упала к ногам Эдгара. Он даже ощутил босой ногой нежную ткань ее платья. В шею женщине по самую рукоять вошел ее собственный кинжал. Глаза ее были расширены и неподвижны. Судя по всему, она миновала одним прыжком зеленую поляну между жизнью и смертью и теперь шествовала по пепельным полям напрямик к реке. Выкликнуть назад ее бы никто не сумел.

Почти сразу же еще одну душу отправил на ту сторону острый металл. Когда Эдгар поднял голову, служанка в коричневом платье уже валилась на траву. Ее лицо и платье заливал

поток крови из рассеченной головы. Белый чепец, обрызганный красным, валялся на земле. Короткие седеющие волосы, крупные черты лица...

– Мужик, однако, – заметил опешивший Валек.

Их спаситель вытер меч о подол коричневого платья убитого и вернулся к столу. Белая вышивка камзола и белая сорочка забрызгались кровью в двух или трех местах. Впрочем, и прежде они были сомнительной чистоты: сразу видно, человек находился не первый день в дороге. Щеголем его никто бы не посмел назвать: брюки он носил довольно широкие, совсем не по моде, а на отворотах сапог не наблюдалось ни брошек, ни украшений. Простой камзол, рубашка из грубого полотна, все ношеное и давно не стиранное. Эдгар наконец смог разглядеть вышивку на камзоле: это был белый орел на черном фоне. Человек носил герб короля, значит, находился на службе у правителя Открытой долины. Оруженосец, только сейчас прибежавший, подал господину белый плащ, изрядно замызганный, – спеша на выручку Эдгару его спаситель сбросил плащ на траву.

– Выкликатель Эдгар! – человек в цветах короля сказал это утвердительно, без интонаций вопроса.

– Вы не ошиблись, сиятельный...

– Просто уважаемый.

«Уважаемый»... А ведь кровь мейнорца в этом человеке чувствовалась с первого взгляда: он был выше обычных людей, и шире в плечах, и сильнее как минимум вдвое. Сухопарое тело, ни капли жира, кажется, и мышц в нем не было, одни жилы – оттого лицо его напоминало обтянутый кожей череп; хрящеватый с горбинкой нос, глубоко посаженные глаза с очень плотными веками и длинными, неестественно длинными ресницами, так что было не разглядеть глаз – они напоминали два сгустка тени. «Мейнорцы – это железные волосы и железные нервы», – говорят долинники. Волосы он носил до плеч, прямые и необыкновенно жесткие, русые (то есть тускло-коричневые), говорят, клинок соскальзывает с них, как с конского хвоста, повязанного на шлем, и мейнорец может сражаться с голой головой, не надевая шлем из прозрачного панциря хадха.

«Но если к этому мейнорцу, который носит цвета короля, надо обращаться «уважаемый», значит, он бастард, скорее всего, незаконный сын кого-то из королевской семьи, но вряд ли самого короля, прав на трон никаких, однако предан семье», – суммировал полученные данные Эдгар.

– Я – Инно. Прислан его величеством, чтобы сопроводить тебя, выкликатель Эдгар, в столицу на королевскую свадьбу. Король Стефан избрал тебя выкликателем души своего наследника.

– Королевская свадьба? – переспросил Валек. – Мы ничего не слышали ни о какой королевской свадьбе.

– Об этом мало кто слышал, – заверил Инно. – Кроме меня, короля и его невесты – еще четверо. Согласно обычаю, свадьба готовится в тайне.

Существовало поверье, что решение о заключении брачного союза надо держать в секрете до последнего дня, иначе жених или невеста могут умереть в день свадьбы. Однако продержать в тайне стговор до последнего дня никому не удавалось – обычно о предстоящем событии сообщали за неделю до совершения обряда.

– А это кто? – спросил Эдгар внезапно охрипшим голосом. – Несостоявшиеся сваты?

– Профессиональные убийцы. Вытряхни их кошельки и найдешь штук десять золотых.

Эдгар сидел недвижно и лишь моргал, пытаясь разобраться в нахлынувшем. Неведомый профессиональный убийца, посланный королем бастард в качестве охраны, королевская свадьба, о которой Эдгар услышал впервые и... вот что главное! Король назначил его выкликателем души наследника. Но почему его?! И кто этот человек, который его спас? Инно – фаль-

шивое имя, так называются те, кто не хочет, чтобы его настоящее имя произносилось вслух. Говорят, произнесенные вслух имена мейнорцев призывают гром небес.

Кабатчик тем временем, повинуясь знаку Инно, обыскал все три тела.

В кошельках в самом деле нашлось золото, только гораздо больше, чем полагал королевский посланец: хозяин таверны насчитал двадцать три монеты.

– Что делать с деньгами? – спросил кабатчик.

– Это плата за жизнь Эдгара. Значит деньги – его. Три золотых оставь себе за труды, – тон Инно не допускал возражений. Как он постановил, так и должен состояться дележ. – Карлик жив?

Хозяин таверны отрицательно покачал головой:

– Я его так приложил, что и дух вон...

– Тогда прикажи унести тела.

Хозяйский сын прибежал, принес холщовые мешки, вместе со стариком-слугой завернул тела убитых и унес на задний двор. Все сделано было споро и равнодушно, как будто каждый день на постоялом дворе убивали женщин и их пажей.

– Хотел бы я знать, кто им заплатил, – сказал Эдгар, провожая неприятную процессию глазами.

– Тут нечего гадать, платил тот, кто хочет помешать рождению наследника, – заявил мейнорец.

Трактирщик протянул двадцать золотых монет Эдгару, но тот кивнул на Валека – травник всегда был его казначеем. Сам Эдгар попросту не знал счета деньгам, любые суммы утекали у него песком меж пальцев. Ну что ж, теперь выкликателю хотя бы известно, сколько стоит его жизнь.

– У короля Открытой долины есть враги? – вполне искренне изумился Валека.

– Что же он за король, если нет врагов?! – засмеялся Эдгар.

Мейнорец промолчал, лишь глаза его под длинными ресницами блеснули, но было не понять, смеется он или гневается.

Тем временем сын трактирщика вернулся и остановился в паре шагов от Инно. Поклонился. Но при этом поглядел на отца:

– Все сделали, как вы приказали, уважаемый. – Парень вновь глянул на отца, явно о чем-то умолял взглядом.

– Дозвольте просьбу! – поклонился в свою очередь трактирщик посланцу короля.

– Говори, твоя помощь была неоценима! – милостиво кивнул Инно.

– Сын с вами в столицу просится ехать, в стрелки королевские поступать, – кабатчик положил здоровенную лапу на плечо парню. – Возьмете?

– Почему бы и нет? – выпятил губу Инно, окидывая взглядом здоровяка, будто оценивал. – Как звать тебя?

– Василько, а прозвище друзья дали Храб.

– Прозвище что-то да значит?

– А то!

– Ну да! – хмыкнул Эд. – Начинает бодро, окончания нет.

Сказал он это достаточно громко, так что парень услышал. Но, похоже, не понял шутки, потому как даже не дернулся.

– Так примут? – спросил отец, озабоченный куда больше сына предстоящим.

– Конечно, примут! – заверил вместо Инно сам кандидат.

Глава 3

Дорога в столицу и дорога в детство

Далее Эдгар и Валек ехали в карете с королевскими гербами, запряженной четверкой бодрых лошадей как на подбор гнедой масти. Сзади и впереди повозки скакали королевские гвардейцы в черном, Инно держался все время справа от окна. Его оруженосец ехал подле левого оконца. Занавески задернули и, когда Эдгар попытался высунуть голову, вежливо попросили больше этого не делать. Даже когда лошади неслись галопом, карету почти не трясло – отличные, видать, были рессоры. Да, в карете ехать – не на крестьянской телеге зад отбивать! Эдгар и Валек, будто знатные господа, развалились на подушках, сменив грязную и выдавшую виды одежду на рубахи из белого полотна, удобные суконные куртки и брюки из кожи болотных ящериц. Свои хламиды они свернули валиками и спрятали в котомки. На переодевании настоял Инно – не желал, чтобы черные хламиды выкликателей привлекали чье-то внимание.

– Никак не могу понять, почему я. Почему меня король позвал на свадьбу? – размышлял Эдгар вслух. – И кому так не понравился выбор короля, что меня тут же решили убить?

– Куда повернет Великий Руддер, никто предсказать не может.

– Лучше скажи: никто не может разгадать логику королей, даже сами короли.

– Хороших выкликателей не так уж много, – сказал Валек. – Ты лучший после Учителя Андрея.

– Лучший! – хмыкнул Эдгар. – Как будто мало выкликателей в Обители. Они-то точно не посмеют вытягивать души живых и рассматривать их, будто комарика в лупу.

– Ты – лучший, – уверенно заявил Валек. – Ты ходишь по пепельным полям. Таких мейнорцы знают наперечет. Вспомни: Герьер живет в столице, он наверняка рассказал королю о тебе.

– Думаешь, король узнал обо мне от Герьера?

– Наверняка. Герьер – капитан столичной стражи, постоянно при дворе.

– Значит, и от добрых дел иногда бывает польза, говорил Учитель. Ну что ж, нам в этом придется убедиться.

Согласно поверью, дар выкликателю дает либо ненависть, либо любовь. От этого зависит, кому будет служить выкликатель. Если ненависть – будет души живущих отправлять в иномирье, не повреждая тел. Если любовь – будет не рожденных вызывать из небытия в реальность.

Эдгару умень даровали любовь и ненависть – одновременно. Или почти одновременно.

В тот день семилетний Эдгар играл во дворе, ведь отчим строго-настрога запретил выходить на улицу. Отчим появился в их доме через год после смерти отца. Еще через неделю старший брат сбежал из дому, так что новый хозяин мог дрессировать отныне только младшего пасынка Эдгара и его тихую молчаливую мать.

Сидеть весь день во дворе, когда мальчишки гоняют на пустыре за сторовшей усадьбой мяч – сущее наказание. К тому же надо еще вымести двор и полить кадки с цветами, в бадью накачать воду из колонки. Все задания отчим записал мелом на специальной доске.

– Когда я все сделаю, можно будет пойти поиграть? – спросил Эдгар с надеждой.

– Нет, – отрезал отчим.

После чего запряг мула в повозку и уехал вместе с матерью в Альдогу на ярмарку.

Эдгар ушел в угол двора и принялся там строить из камешков и щепок форкастл, время от времени с тоской посматривая на треклятую метлу, прислоненную к стене. Самым большим желанием в тот миг было сломать метлу и перекинуть обломки через стену.

– П-с-с... П-с-с! – услышал он внезапно и поднял голову.

Над изгородью торчала растрепанная голова какого-то парня лет шестнадцати.

– Ты кто? – спросил Эдгар.

– Братец твой старший. Гай. Не признал, что ли?

Гай давным-давно ушел из дома, а куда, ни отчим, ни мать не говорили. Однажды (кажется) он появился зимой в снегопад. Смутно запомнились его веселый дерзкий голос и влажный запах растаявшего снега, ворчанье Ханны: «Вот наследил-то!», наждачный голос отчима, раз за разом все громче выговаривающий: «Нет!», слезы матери. И шепот Гая: «Держись, парень, здесь на редкость хреново, но ты держись! Не поддавайся уроду!»

– Гай! – завопил в восторге Эдгар.

– Тихо ты! – прикрикнул на него старший брат. – Урод дома?

Ясно, что уродом Гай называл отчима.

– В Альдогу уехал еще утром вместе с матушкой.

– Ну и отлично! – Гай легко перемахнул через изгородь.

Эдгар кинулся к нему, обнял. Гай был выше его вдвое.

– Пожрать есть?

– Пироги с черникой на кухне и...

– Эль?

– Тоже на кухне. Но там старая Ханна.

– Ну так утащи как-нибудь. Я за кадками посижу.

В два захода Эдгар вынес брату пирог с черникой и кружку эля.

Перекусив, брат поднялся, взлохматил волосы Эдгара так, что тот сделался до ужаса похожим на Гая, и сказал, глядя куда-то поверх изгороди и – даже показалось Эдгару – поверх красных черепичных крыш и крон деревьев.

– Ну, мне пора, – Гай тщательно стряхнул крошки с темного, старого, ставшего белесым на плечах плаща и с коричневой, не менее старой и драной хламиды.

– Можно, я тебя провожу? – неожиданно сам для себя спросил Эдгар.

– Тебе-то со двора уходить разрешили? – усомнился Гай.

– Я у Ханны спрошусь... – соврал Эдгар.

У Ханны «спроситься» было проще простого. Старуха была глуховата, и если подойти к ней со спины и сказать что-то негромко, то она непременно ответит:

– Иди, иди...

Мол, отвяжись, не мешай.

Так Эд и сделал. Получив фальшивое разрешение, радостно кинулся к калитке. О том, что сделает с ним отчим, если узнает про ослушание, мальчишка не смел подумать.

В следующую минуту братья шагали по улице их крошечного городка – Вокбота. Эдгар держал Гая за руку, встречные, случалось, узнавали старшего брата, здоровались, спрашивали, как жизнь, кто-то хлопал по плечу, кто-то приглашал выпить эля, но Гай отнекивался. Так дошли они до сгоревшего дома Большого Кнута и уже миновали усадьбу, как вдруг Гай остановился.

– Хочешь, чудо тебе покажу? – спросил Гай, подмигнув.

– Конечно, хочу! – сердце Эдгара сладко заныло.

Гай огляделся.

– На улице несподручно. Зайдем-ка сюда!

Гай нырнул в густые заросли иван-чая, крапивы, малинника, что окружали сгоревший дом. Ходить сюда ребятам было строжайше запрещено: хотя прежде мальчишки и девчонки Вокбота постоянно бегали по обгоревшему дому без окон, или устраивали в подвале игру в прятки, или лазали по стволу старой ивы и раскачивались на ее ветвях. Но только однажды огромная горизонтальная ветвь медленно, будто нехотя, подломилась и грохнулась оземь. Трое малышей, что сидели на ней верхом, разбились насмерть.

После этого несчастья стали рассказывать, что души погибших поселились в доме и утаскивают неосторожных напрямик в иномирье.

Эдгар в эти рассказы верил и никогда на пожарище не заглядывал. Но с Гаем он ничего не боялся. Однако ж все-таки помедлил, прежде чем нырнуть в заросли.

– Ну, где ты там? – донесся насмешливый голос Гая. – Никак крапивы испугался?

– Нет! – закричал Эдгар и, отмахиваясь ладошками от жгучих листьев, кинулся в заросли.

Обгорелый дом был черен снаружи и изнутри. Все обуглено – стены, уцелевшие кое-где двери, обломки тяжелой мебели по углам. Ни стекол в окнах, ни крыши над головой. Да и второй этаж во многих местах обрушился.

Только в дом Гай брата не повел, сбросил плащ, расстелил на камнях у входа, сам лег и сказал Эдгару:

– Ложись!

Тот послушно вытянулся рядом.

– Закрой глаза.

Эдгар закрыл.

Гай взял его за руку. Тут же в темноте возникла дверь с медной ручкой, Гай толкнул ее, и братья шагнули на зеленую поляну снов. Сны... Эдгар видел чужие сны – яркие, сказочные, невероятные. Он кружился среди них, он видел рыцарей на великолепных конях и дам в роскошных платьях, драконов, извергающих безопасный огонь, чудесных птиц и...

Все кончилось.

– Где мы были? – спросил Эдгар, часто моргая и трясая головой.

Сладкую тоску по миру, который он только что оставил, было ни с чем не сравнить.

– В иномирье. Ну как, понравилось? – спросил Гай.

– Очень.

– Жаль, не видел пеплоедов...

– Можно туда еще? Ну хоть разочек!

– Конечно. Но для этого надо стать выкликателем душ.

– Так ты выкликатель! – с восторгом и ужасом воскликнул Эд. – Правда?

– Неужто не знаешь, что я учусь в Обители?

Эдгар отрицательно затряс головой.

– Вот сволочи! Значит, они тебе ничего не сказали. Ну, с уroda что взять... Но мама!.. ладно, проехали. Я уже ходил на первое задание. Выкликал душу мейнорца. Только это тайна. О своей миссии выкликатель никому не рассказывает. Не проговоришься?

– Громом небес клянусь.

– Матери не говори. Уроду – тем более!

– Клянусь драконьими потрохами.

– Чем-чем? А, понял... ты видел эту кукольную сказочку про дракона и спасенную рыцарем девушку! Ладно, для семилетки клятва сойдет.

– Возьми меня с собой! Я тоже стану выкликателем.

– Нет, не могу. Но если ты избран, мелкий, тебя призовут. Посланцы Обители каждую осень обходят селения и города, расспрашивают малышню о самых забавных, самых удивительных снах. Уж не знаю как, но посланцы быстренько вычисляют, кто сможет в будущем ловить души. Так было со мной... А ты? Разве тебя никто еще не расспрашивал?

– Прошлой осенью один старик приходил, – Эдгар опустил голову и почувствовал, как краска заликает щеки. – Но он... – имя отчима Эдгар никогда не произносил, – он запретил мне идти.

– Послушай, мелкий! – Гай положил ему руки на плечи. – Когда этой осенью явится посланец Обители, непременно отправляйся на встречу. Не спрашивай даже, можно или нет,

наплюй на урода, просто иди и все. Главное, не бойся. Никогда не бойся уродов, если хочешь стать выкликателем. Потому что трусу на той стороне делать нечего. Ты все понял?

Эдгар кивнул.

– Тебя непременно возьмут, мелкий, клянусь Великим Руддером. Дар ведь этот зачастую передается по наследству. Отец был выкликателем...

– Я не знал.

– Ха... Урод и про это умолчал. Стыдно небось, что он такой, обделенный, вот и врет все время. Отец столько раз ходил на ту сторону, что со счета сбился. Больше него только Учитель Георгий за гранью побывал. Но однажды отец угодил двумя ногами в черный пепел... – Гай вздохнул. Эдгар тогда не знал еще, что это значит – угодить двумя ногами в пепел. – И ему пришлось остаться навсегда здесь. Вот так-то, – Гай опять вздохнул, потом вновь взъерошил волосы Эдгара. – Ты, мелкий, непременно станешь выкликателем. Самым сильным. Запомнил?

Итак, в иномирье Эдгара в первый раз ввела любовь.

Но за ней по следам шла ненависть.

Уже смеркалось, когда Эдгар вернулся домой, тайком проскользнул в свою каморку, сбросил перепачканные штаны и рубашку, обрядился в длинную до полу, детскую ночнушку, под рукомойником отмыл (как ему казалось) начисто лицо и руки и в таком виде вышел к ужину. Отчим встретил его хмурым взглядом и, не подпустив к столу, спросил:

– Где ты был?

– Гулял. – Врать про то, что целый день сидел во дворе и поливал цветы в кадках, было глупо.

– В сгоревшей усадьбе?

Эдгар не понял, как так быстро отчим узнал, где они с братом провели почти весь день. Ответить он не решился, только едва заметно кивнул.

– Я же запретил ходить на пожарище! Или ты забыл?!

– Я знаю, но... – Он чуть было не сказал, что повел его Гай, но вовремя прикусил язык, вспомнив про данную клятву.

– Вон из дома! – Отчим схватил его за шкирку и потащил за дверь.

– Не надо! Я больше не буду! – завопил Эдгар.

Он цеплялся по дороге за какие-то сундуки и вещи, в надежде, что наказание в последний момент отменят.

– Мама!

Та, как всегда, промолчала и спешно отвернулась к плите.

– Ненавижу! – вдруг выкрикнул Эдгар.

В этот момент отчим выкинул его за дверь. На улице моросил мелкий дождик, было холодно, но не это ужаснуло Эда. Он вдруг подумал, что соседи – окна их дома были как раз напротив – увидят Эдгара в этой ужасной девчоночьей ночнушке, которой он всегда так стеснялся и которую не хотел надевать. Лида, веселая и язвительная хохотушка, с которой они время от времени дрались, но больше дружили, тоже увидит его в этой дурацкой рубахе, скулящим приبلудным псом под дверью. Ох, как она будет дразниться! Эдгар пришел в ужас и ярость, принялся колотить пятками в дверь и кричать:

– Пустите меня назад! Пустите меня! Пустите!

Чувство, охватившее его, походило на безумие. Ему не открывали, а он все кричал и бил то пятками, то кулаками в дверь, но там, за дверью, все как будто умерли.

Что произошло потом, Эд точно сказать не мог. Может быть, он задохнулся от ярости и обиды, от ненависти к этому человеку, который явился в их дом, занял место отца и вышвырнул Эдгара вон.

Но только дыхание его как будто остановилось, и в тот же миг мальчишка вновь очутился перед огромной деревянной дверью с бронзовой ручкой, легко приоткрыл ее и шаг-

нул на поляну снов. Шагнув, обернулся и попытался рассмотреть то, что осталось за спиной. И к своему изумлению – рассмотрел. Он увидел кухню, черный очаг, в котором весело помигивали догорающие дрова, деревянный стол, огромный, тяжелый, на раскоряченных ножках, отчима за столом, хлебающим из миски густую похлебку, мать, подливающую ему эль в кружку. Эдгар мысленно схватил отчима руками за голову и рванул на себя. О, чудо! – картинка зарыбила, отчим будто растянулся, превратился в мутное дрожащее существо, голова этого существа прошла сквозь дверь, Эдгар увидел страшную лысую голову, красное, будто обваренное кипятком, лицо и налитые кровью глаза. Это была чистая, воплощенная злоба. От ужаса Эдгар закричал, отпустил голову и рванулся назад, выскочил в реальность...

Оказалось, что волшебная дверь иномирья открывалась куда проще, чем запертая на щеколду дверь родительского дома.

Эдгар бросился бежать. Он бежал и бежал, себя не помня. Падал, оскальзывался, бежал, уже не ужасаясь при мысли, что кто-то увидит его в нелепой ночнушке. Ужас перед обваренной, как кусок мяса, душой отчима гнал его в темную дождливую ночь, куда глаза глядят. Уже полностью обессиленный он забрался в какой-то сарай и там просидел до утра, почти без сна, лишь на минуту-другую проваливаясь в дрему, обхватив руками колени и дрожа крупной дрожью так, что зубы стучали, как барабан королевских стрелков, когда они маршем проходят по улице.

Утром, едва рассвело, Эдгар выбрался на дорогу. Вдали, в предутренней дымке, маячили медные кровли Альдоги.

Город показался Эдгару близким, но добрел он туда лишь к полудню, уставший до смерти, со сбитыми в кровь ногами. Однако измученный мальчишка в последний момент сообразил, что стражники могут не пропустить его в таком виде (перемазанная в глине да еще обсыпанная сеном ночнушка, растрепанные волосы, грязное лицо), и сумел спрятаться среди кочанов ранней капусты на телеге доличника и так миновать ворота. На этой же телеге, как в карете, доехал он до базарной площади. Увы, здесь его никто не собирался встречать с распростертыми объятиями. Напрасно Эдгар бродил меж прилавками с овощами, свиными тушами и тусками с малиной и земляникой – его либо гнали, либо провожали подозрительными взглядами. Лишь в молочном ряду пухленькая сероглазая молочница наполнила до верху кружку пенистым молоком и протянула Эдгару.

– Пей, малец!

Он выпил с жадностью, захлебываясь, и к концу закашлялся и немного дареного молока пролил.

– Эй, чумной! – крикнула ему толстая тетка из-за соседнего прилавка, – иди к колонке, вымой кружку, а то после тебя никто из покупателей пить не захочет.

Эдгару стало обидно до слез, еще вчера он был вовсе никакой не чумной, а чисто одетый мальчик, причесанный, и даже поутру имевший в кармашке коротких штанишек носовой платок.

«Вытянуть душу этой ведьмы да посмотреть, какова она», – подумал он мстительно.

Но воплощать свой план почему-то не стал, покорно поплелся к колонке с водой, что виднелась в самом конце молочного ряда. Если надавить на рычаг, из медной головы жуткого чудища начинала тонкой струйкой течь холодная вода. У колонки мылся какой-то парень в зеленом камзоле. Рукав его белой, не слишком свежей сорочки был забрызган кровью. Когда парень обернулся, Эдгар разглядел, что нос парня опух и, несмотря на компресс из мокрой тряпки на переносице, струйка крови все еще бежит из ноздрей на мокрую верхнюю губу.

– Откуда ты такой, урод? – спросил парень со смехом, разглядывая Эдгара.

– Я не урод. – Эд разозлился, прежде всего потому, что парень обозвал его точно так же, как Гай обзывал отчима. Это было вдвойне обидно.

– Просто ты себя не видел давно в зеркале.

Эдгар зажмурился и тут же увидел ставшую знакомой дверь, миновал ее и сходу, развернувшись, дернул за собой парня. Душа у того была скользкая как угорь, а глаза хитрые, змеиные, лживые. Эдгар тут же отпустил жулика.

В следующий миг в реальности парень тряс его за плечи и приговаривал:

– Как ты это сделал? Ну-ка, колись!

– Я умею... – пробормотал Эдгар.

– Что это у тебя? Кружка?

– Да, из-под молока, велели вымыть.

– Дракону в задницу кружку! – парень грохнул ее о булыжники мостовой, и керамическая кружка разлетелась на куски. – Парень, да мы с тобой такие дела провернем. Такие дела...

Скользкий (так мысленно Эдгар окрестил парня с разбитым носом) ухватил мальчонку за руку и повел в ближайший переулок. Здесь было сумрачно даже в полдень – верхние этажи домов почти смыкались, загорая небо. Эдгар успел заметить причудливые медные фигурки, что висели на крюках почти над каждой дверью.

В переулке Скользкий остановился и повернулся к Эдгару.

– Ты с каждым такое можешь устроить?

– Да-а, – не очень уверенно отвечал мальчишка.

– С любым-любым?

– Ну да. А зачем...

Скользкий завертел головой, что-то отыскивая.

– Видишь того мужика за прилавком? – Парень ткнул пальцем в мужчину лет сорока пяти с коротко остриженными седыми волосами, что склонился над дубовым прилавком и что-то рассматривал в лупу. На нем был черный камзол без всяких украшений и сероватая застиранная сорочка. На прилавке аккуратными рядами в специальных низеньких ящичках были разложены белые и желтые фигурки и кругляшки.

– Вижу, конечно, – кивнул Эд.

– Надо его так же точно дернуть, только подольше за чертой подержать. Сдюжишь?

– Попробую.

– Ну так давай! Вечером мы едим и пьем в самой лучшей таверне. Ну! – Скользкий хлопнул мальчонку по плечу.

«Не надобно этого делать, ох, не надобно, – шевельнулось сомнение. – Этот парень на подлость тебя толкает. Остановись... Стой, Эдгар! Стой! Стой!»

Но почему-то Эдгар не мог остановиться. Не мог и все. Страстное желание «сделать это» было неодолимым! Мальчишка закрыл глаза и шагнул за дверь. Завеса между иномирьем и реальностью, которая так трудно редела в первый раз, теперь распалась почти мгновенно. Эдгар ухватил руку человека за прилавком, дернул... И тут случилось невероятное – человек в черном камзоле весь, целиком оказался на той стороне. Он преобразился, как преображались всегда попавшие в иномирье души, только преобразился иначе, чем отчим или Скользкий – помолодел, похорошел, волосы из седых сделались золотистыми, глаза засияли.

– Кто ты? – успел спросить он.

Но Эдгар не успел ответить.

Он вновь оказался в реальности, напротив лавки. Человек в черном сидел, обмякнув, свесив голову набок, а Скользкий набивал холщовую сумку желтыми и белыми статуэтками и кругляками.

Опорожнив прилавок, парень метнулся назад к Эдгару.

– Бежим!

– Но он же там! Там! Все еще там! – мальчишка не сразу сообразил, что вытянул душу в иномирье, а назад не вернул.

– Ну и черт с ним, так даже проще.

Скользкий ухватил Эдгара за шиворот и потащил за собой.

– Нет! – крикнул Эд и зажмурился.

В реальности Скользкий волок за собой потерявшего сознание мальчишку, в то время как Эдгар на другой стороне неся по зеленой поляне. Душу торговца он настиг у самой кромки пепельных полей, когда тот уже готов был пересечь границу.

– Стойте! Не надо!

Человек обернулся и шагнул навстречу. Белозубо сверкнула улыбка.

– Так ты можешь...

– Назад! – Эдгар схватил человека за руку.

Обратно они пронеслись быстрее ветра и выскользнули за дверь с медной ручкой, только здесь их пальцы разжались, Эдгара потянуло в одну сторону, спасенного – в другую.

Очнулся Эд лежа на мостовой. Локти и колени саднило, щеку тоже, во рту полно было песку и мелких камешков. Видимо, Скользкий волок подельника по булыжникам шагов двадцать, а потом, сообразив, что живой куль недопустимо его тормозит, бросил. Пошатываясь, Эдгар поднялся. С изумлением посмотрел на покрытые белыми и темными полосами ладони, которые быстро становились красными и начинали гореть.

– Воры! – завопили рядом пронзительно.

«Воры? Ох!» – только теперь дошел до мальчишки смысл происшествия.

Эдгар рванулся бежать, но тут же чьи-то сильные руки ухватили его и вздернули в воздух. Мальчонка завопил от ужаса.

Человек, одетый в суконный размахай (Эдгар чувствовал сквозь дыры в рубашке плотную и кусачую ткань) поволок плененного через улочку прямо к обворованной лавке.

«Бежать, бежать за дверь и спрятаться!» – эта мысль в тот миг показалась не такой уж безумной.

Но поборник справедливости, тащивший Эдгара, нелепо подпрыгивал при каждом шаге и встряхивал мальчишку, как куль, не давая сосредоточиться. Бронзовая ручка заветной двери плясала перед глазами, до нее было не дотянуться.

«Меня будут сечь на площади!» – в ужасе подумал Эдгар.

Человек в суконном размахе поставил пойманного воришку перед пострадавшим.

Седовласый хозяин сидел уже прямо в деревянном кресле и, хмурия брови, оглядывал опустевший прилавок. Только с краю в нарядных коробочках уцелели две или три желтые фигурки, да за спиной торговца тикали на разный лад с десяток разнокалиберных часов с желтыми радостно сверкающими маятниками.

– Вот он, сообщник! Не сбег! Схватили! – похвастался поимщик.

Хозяин часовой лавки поднял голову и глянул Эдгару в глаза.

– Так это ты, – сказал, узнавая, а потом оборотился к добровольному стражнику. – Это не вор, а мой новый подмастерье. Я только вчера принял его. Парень ночью затосковал по матери, убежал, заблудился. Идем, дружок, тебе надо умыться, вид у тебя неважнецкий.

Часовщик поднялся и протянул Эдгару руку.

– Твой подмастерье? – недоверчиво протянул человек в размахе, но цепкие пальцы разжал.

– По-моему, я тебе говорил, что собираюсь взять нового помощника.

– Я – Эдгар, – догадался сообщить мальчонка человеку в размахе, но так, чтобы часовщик услышал. Будто кто-то подсказал ему назваться, чтобы добровольный стражник не поймал и его самого, и хозяина лавки на нехитрой лжи.

– Это Эдгар, – повторил часовщик, ставя точку в грязной истории.

И ввел горе-воришку в свой дом.

Внутри было довольно тесно – маленькие комнатки, многие без окон и почти без мебели. Самыми большими были кухня и кладовая, в столовой почти половину места занимал огром-

ный камин с зеркалом и мраморной доской, украшенный бронзовыми черными фигурами, такой камин не стыдно было бы установить и в королевских покоях. Спальня отделялась от столовой тонкой перегородкой.

Первым делом Эдгар поступил в руки служанки, дородной и веселой Ады, уведен был на кухню, вымыт в большой лохани горячей водой с едко щиплющимся мылом, вытерт кусачим льняным полотенцем и обряжен в старенькую рубашку и такие же ношенные, но чистые штаны, явно ему великоватые. В довершение всего служанка обмазала ссадины на ладонях и коленях пахучей мазью. После означенных процедур Ада привела мальчишку в столовую и усадила за один стол с хозяином, поставила перед гостем плоскую тарелку с жареной картошкой, положила ломоть свежего хлеба поверх кружки с молоком и вышла, притворив дверь.

– Я – часовщик Андрей, член гильдии уже десятый год, – сказал хозяин, отхлебывая из глиняный кружки эль. – А ты откуда будешь?

– Из Воркбота.

– Воркботов вокруг города целых шесть штук. Из какого именно?

– Из того, где дом сгоревший и брошенный, – лучшего определения Эд придумать не смог.

– Из третьего, значит. Как же ты очутился в Альдоге один и в таком непрезентабельном виде?

– Ну... – Эдгар почувствовал, как краска заливает щеки. Очень хотелось солгать, сил просто не было, как хотелось. Но ни одна, даже самая простенькая ложь так и не пришла на ум, посему пришлось сказать правду. – Отчим выгнал из дома за то, что я... я... – Он точно не мог сказать теперь, за что его выгнали.

Спустя несколько часов вина показалась мальчонке смехотворной, а наказание – несоизмеримым с содеянным. Ведь на душу отчима он взглянул уж после, из-за запертой двери.

– Ты – выкликатель, – сказал Андрей без всякого сомнения. – Правда, необученный. Но кто-то провел тебя в иномирье, показал дорогу.

– Брат... Гай... он теперь вернулся в Обитель.

Андрей сцепил руки в замок и задумался.

Пока он размышлял, Эдгар съел всю картошку и хлеб, выпил молоко.

– Нам надо с тобой серьезно поговорить, Эдгар.

– Я не думал, что Скользкий вас ограбит! Откуда я мог знать! – выпалил Эд. – Это правда!

Клянусь киш... Великим Руддером!

– Твоего напарника зовут Скользкий?

– Ну да... нет... не знаю. Это я его так назвал, когда увидел душу. А как его на самом деле зовут, не могу сказать. Мы только сегодня встретились.

– Увидел душу, – задумчиво проговорил Андрей. – И много душ ты видел?

– Вчера – отчима. Сегодня – Скользкого и вашу.

– Ну и как?

– Вы – самый красивый.

Андрей улыбнулся.

– То есть ваша душа... – уточнил Эд и смутился.

– Подойди ко мне, – приказал Андрей.

Мальчик соскользнул с высокого деревянного стула, обошел стол и остановился. Он ничуть не боялся. После того как он видел Андрея в иномирье, глупо было бояться. Хозяин положил ему руки на плечи и взглянул в глаза.

– Когда-то я тоже был выкликателем. Я бывал в иномирье много раз, я даже не помню, сколько, – сказал Андрей. – Но однажды случилось несчастье, и с тех пор я не хожу на ту сторону. Вернее, не ходил. Ты вновь провел меня через дверь к чуду.

– Простите, – выдохнул Эдгар, заливаясь краской до самых ушей.

– Садись, – приказал Андрей.

Эдгар, не поднимая глаз, вернулся к своему стулу и сел.

– Десять лет я уже не выкликатель, а часовщик и золотых дел мастер. Ты со своим приятелем украл у меня двенадцать статуэток и семь штук карманных часов, в серебряных и золотых корпусах. Полгода работы, к тому же материал – золото и серебро опять подорожали этим летом. Тебе придется отработать у меня несколько лет, чтобы вернуть украденное.

– Если Скользяго поймают и вернут то, что он спер... – Эд все еще пытался оправдаться.

– Это не имеет значения, платить все равно придется тебе, – сказал Андрей.

– Хорошо, – прошептал Эдгар, глотая слезы и глядя на стоявшую перед ним пустую тарелку.

В этот раз от своей вины он отречься не мог.

– Не плачь! – сказал Андрей и, перегнувшись через стол, потряс его за плечо. – Тебе у меня понравится. Работать станешь как обычный подмастерье, лишнего заставлять не стану, стол, кров, одежда – все у тебя будет. По праздникам – пара медяков на развлечения и сладости. К тому же... – Андрей сделал заметную паузу, – я выучу тебя пользоваться дверью в иномирье, а не просто бегать без толку взад и вперед, ты сделаешься настоящим выкликателем.

– Вы?! – только и выдохнул Эдгар, еще не веря своему счастью.

– Да, я. Потому что в Обитель тебя никогда не возьмут.

– Что... – Сердце мальчишки, только что бившееся как сумасшедшее от восторга, теперь заныло от обиды. – Но почему?

– Потому что ты можешь не только позвать душу с той стороны, но и выкликнуть в иномирье душу живого. «Выпить», говорят в Открытой долине.

– Неужто есть такие, кто пьет души? – сердечко Эдгара замерло от страха.

– Есть. Но тебе лучше с ними никогда не встречаться. Видишь ли, мой мальчик... – голос Андрея сделался печален. – Выкликатель либо зовет души из иномирья, чтобы вселить их в младенцев, поворачивает обратно души раненых и больных, не позволяя покинуть тела, либо убивает, не нанося увечий. Ты можешь и то и другое. В Обитель берут первых и гонят от дверей вторых. Так что туда тебе путь заказан. Если я брошу тебя на произвол судьбы, ты станешь наемным убийцей при дворе более или менее могущественного князя, и конец твой вполне предскажем: рано или поздно в тот момент, когда ты будешь извлекать душу из чужого тела, твою собственную беззащитную грудь поразит кинжал.

– Но я никого не хочу убивать! – воскликнул Эдгар. – Я просто хочу видеть души. Видеть и знать...

– Знать, – повторил Андрей нараспев и добавил: – Очень опасно... Потому что может наступить момент, когда, увидев, какова душа человека, ты не захочешь выпускать ее из иномирья. Ты захочешь оставить ее там навсегда. Тем самым ты убьешь чужое тело и свой дар.

Эдгар вспомнил душу отчима и начал дрожать.

– А можно с-спросить... – зубы его выбили барабанную дробь. – Душу можно убить?

Он думал, что Учитель не ответит, что отмахнется или промолчит.

Но Андрей сказал со вздохом:

– Это никому не удавалось. Даже глава Обители Учитель Георгий на это не способен. Но вот что, скажи мне одну вещь. Когда ты звал на ту сторону души, ты слышал странный звук? Будто где-то рядом гудит огромный колокол.

– Нет.

– Точно не слышал? Такой звонит на башне в Альдоге, когда пожар, или холдорцы набег совершают. Только этот призрачный гудит очень низко...

– Нет, никакого колокола не было.

– Это хорошо, мой мальчик. Ты еще не представляешь, как это хорошо.

Так Эдгар сделался подмастерьем часовщика и ювелира. Спал он на втором этаже в комнате рядом с мастерской, там было куда светлее, чем в комнатах внизу, и всегда тепло, даже в морозы, – через его конурку проходил стояк кухонного очага.

На другое утро Андрей взял у соседа-ювелира пароконную бричку, усадил Эдгара рядом с собой, и они поехали в Третий Воркбот на встречу с отчимом.

Во дворе их встретила Ханна. Лицо у нее было покрасневшее, глаза – заплаканные, опухшие, щелочками. Эдгар решил поначалу, что старуха плакала из-за него, Эдгара, а теперь, увидев, кинется обнимать от радости. Но Ханна, заметив мальчишку в повозке рядом с одетым в суконную мантию господином, отшатнулась от Эдгара как от чумного и кинулась в дом.

В следующую минуту во двор вышел отчим. Мать так и не появилась.

Что кричал отчим, чем грозил, Эдгар не запомнил, ощущал только ужас и ярость, которые лились на сорокалетнего бугая потоком помоев.

– У мальчишки подлая душа! Его надо каждый день сечь на рыночной площади, публично, чтобы все видели, какой он мерзавец! – рычал отчим.

– Ты бы на свою душу посмотрел! – огрызнулся внезапно Эдгар.

Сказал то, что говорить не стоило. Но отчим не обратил внимания на его слова, решил, что это так, фигура речи.

– Ну вот, опять хамишь! – Отчим ткнул в мальчишку пальцем.

– Зайдем в дом, – сказал Андрей отчиму и спрыгнул с повозки.

Он двигался легко, изящно, как будто минуло ему лет двадцать пять, не больше, и был он воином и путешественником, а не вечно просиживающим за мелкой работой мастером.

– Зайдем в дом и поговорим! – повторил Андрей, взял отчима за плечо и увел.

Отчим сник, не сказал больше ни слова, и даже руку не выдернул из пальцев Андрея. Эдгар с изумлением смотрел на притихшего маленького диктатора. Как быстро он сделался покорным и жалким рядом с тем, кто сильнее!

О чем они толковали, что обещал, чем грозил бывший выкликатель, Эдгар не ведал. Но через час Андрей вышел из дома, держа в руках мешок с вещами Эда, уселся в бричку, взял вожжи, прикрикнул на лошадок...

Мать так и не вышла поглядеть на сына.

Эдгар с тех пор поселился в доме Андрея. Правда, делить комнату пришлось со вторым подмастерьем. Мальчишка, на три года его старше, появился в мастерской Андрея через неделю. Его звали Валеком, и он тоже учился на выкликателя. Почему его не взяли в Обитель, Валек никогда не рассказывал. Он был единственным сыном в семье, отец с матерью непременно навещали его раз в месяц (чаще не позволял Учитель). Тогда вся комната подмастерьев оказывалась заставлена корзинками со всякими вкусностями. А где-нибудь в укромном месте (в корзине с грязным бельем или среди тетрадок с записями) отец Валека оставлял мелкие монеты. Так что дня два или три после очередного визита все свободное время мальчишки проводили в поисках. Как-то, после того как ученики отыскали кошелек только спустя пять дней (он оказался подвешенным к карнизу снаружи), Эдгар при встрече с Валеком-старшим в лоб задал вопрос, почему нельзя просто так отдать карманные деньги сыну?

– Деньги должны доставаться с трудом! – провозгласил Валек-старший с ухмылкой. И, пришурившись, спросил. – Долго искали?

Глава 4

Пограничные врата

В том, что князь Монакский выбрал выкликателем для своей семьи Эдгара, не было ничего удивительного – князь хорошо знал Учителя Андрея, да и земли его лежали близко к Альдоге. Душу самого князя Монакского вызывал из иномирья Андрей. Не было ничего странного в том, что души его сыновей должен был приглашать в реальность его ученик. Но почему сам король Открытой долины отправил Инно разыскать и привести на свадьбу самоучку-выкликателя, вместо того чтобы обратиться в Обитель, как всегда поступали его предки, казалось загадкой. Свалить все на прихоть Великого Руддера не позволяли запавшие в душу слова Учителя: «Великий Руддер всегда держит курс к какой-нибудь цели. Пусть для нас его цель неведома, но она всегда есть, запомни это, мой мальчик. Если цели нет, и Великий Руддер мечется из стороны в сторону, это может привести лишь к одному – к катастрофе!»

Разумеется, в глубине души Эдгар считал себя лучшим – выкликнутые им души достались наследнику Монакского княжества (увы, младенец умер, душу его выпила неведомая Марта) и нескольким будущим эрлам. Но Эдгар был уверен, что королевский перст указал в его сторону не из-за личных качеств выкликателя. Одно время Эдгар пытался выяснить, не в родстве ли его семья с теми ловцами душ, что явились с первым королем из снежной страны в Открытую долину. Но ничего раскопать не сумел. Он был всего лишь мальчишкой из Воркбота, который прошел не такой уж прямой путь, прежде чем его отыскал Учитель. Мальчишка, бесспорно, одаренный, потому что редко кому удается ходить по пепельным полям, возвращая души, и при этом время от времени выдергивать живущих из реальности, чтобы на миг увидеть подлинный их облик.

Король Стефан принадлежал к мейнорцам – старинному роду, явившемуся с севера. Учитель Андрей рассказывал, что в землях за Северным хребтом по полгода стоят жуткие холода, земля скована льдом и засыпана снегом. Чтобы выжить зимой, надо летом запастись много еды. Будущий король теплых земель пять столетий назад явился в сопровождении небольшой свиты и двух выкликателей. Король был мейнорцем, как и владельцы княжеств на плоскогорье Бридж. Князь Пьемонта согласился пропустить небольшой отряд через свои земли с условием, что северяне никого не тронут в его владениях и заплатят пошлину за проезд драгоценными северными мехами. То было время великого холода, снег в долине выпадал чуть ли не каждую зиму – не то что ныне. Случалось, морозом побивало почти весь виноград и посева. Народ голодал, волнения и бунты полыхали то там, то здесь, мятежная Альдога требовала независимости, и старая династия отдала пришлому авантюристу власть почти без борьбы.

У мейнорцев одного зачатия мало для того, чтобы ребенок появился на свет. Если не выкликнуть из иномирья душу, у женщины либо случится выкидыш, либо она родит мертвого ребенка. Так что новый королевский род, правивший с тех пор в долине, был одновременно могущественен и уязвим, как и все владыки Бургундии, Монака и Пьемонта.

Однако прежние короли всегда приглашали выкликателей из Обители. Непременно главного. Значит, в этот раз выкликать душу наследника должен был Учитель Георгий. На вопрос, почему нынешний король отказал Георгию в доверии и решил пренебречь обычаем, вряд ли мог ответить бастард в грязном плаще.

* * *

После сорвавшегося покушения в таверне Инно выбрал объездной путь. В столицу они двинулись не по главному радиальному тракту, по которому нынче на ярмарку катились одна

за другой повозки и кареты, а взяли к югу по круговой дороге и уже потом вновь свернули на радиальный, которым не пользовался почти никто из-за неудобства. Дорогу эту так и прозвали – Несуразная дорога. Зато (так рассудил Инно) вряд ли могли их здесь поджидать наемные убийцы.

Милю или две ковырялись по колдобинам, каждые сто шагов, а то и чаще, поминая Великого Руддера, потом дорога пошла в гору, значит, приближались к старой границе между западными свободными приморскими землями и прежним крошечным королевством Тигура, которое сумело расшириться и занять всю Открытую долину. Одни говорили, что здесь с севера на юг пролегает хребет, старые, истерзанные ветром и дождями горы, погребенные под слоем земли и поросшие травой и кустарниками; другие – что под песком и травой прячутся огромные стены и валы великого города. Будто бы ворота нынешние не ворота вовсе, а украшения на старых вратах – так они были огромны. Но нынче остались только эти малые врата, стоявшие прежде на широченных и могучих плечах древнего монумента.

– Ворота видите? Подать готовьте, – сказал Храб, как будто он один знал тут дорогу, а Инно и королевские стрелки слыхом не слыхивали про старую границу и сборщиков податей. – Кто первым у ворот окажется и первым увидит дергальщика, чтоб о дерге сговориться, тому за сговор доля идет.

Наглости Храбу все же не хватило, чтобы скакать к воротам впереди мейнорца. Инно первым въехал под арку и остановился. Дергальщика не было. Лишь ветер пел в воротах. Он всегда тут поет – когда громче, когда глуше, сегодня ветру пелось в пол силы. А вокруг не то что дергальщика – вообще ни души не было. Лишь дорога, совершенно пустая, белым рушником падала за воротами с холма. Поля слева зеленели травами, справа волновалась пшеница. Опять же в полях никого. Нигде не то что подводы – мужика или бабы не углядеть.

– Эй, Храб, что же нас никто обирать не торопится? – насмешливо спросил Инно у подъехавшего за ним парня.

– Н-не знаю... – пробормотал тот. – Но лучше бы нас тут поджидали.

Мейнорец втянул воздух, прикрыл глаза.

– Смертью пахнет. Давней.

– Еще бы не пахло! – фыркнул Храб. – Видите вон ту полосу густой зелени? Там ров был откопан. Много людей благородных, из стафферов и из мейнорцев, женщин и мужчин, кто был королю Тигуру не угоден, в тот ров легли. Их по разным городам гвардейцы в одну ночь собрали, больше всего из столицы и из Альдоги, и сюда привезли. Они сами вырыли ров и встали на краю. Потом королевские стрелки в них стреляли. Кого стрелы не взяли, тех добивали мечами. Уже потом при внуке Тигура ров раскопали. Пять сотен тел отыскали да по человеческим могилам с положенными обрядами положили. И каждому на могильном камне особый знак выбили – опрокинутый факел.

– Ты так говоришь, будто сам видел, – заметил Инно неожиданно жестко. – А видеть ты этого никак не мог.

Видно было, что рассказ ему неприятен. И то: если Инно – бастард-мейнорец, то, как ни крути, связан с Тигуром кровно, пусть и тонкая ниточка, тоньше паутины, с той поры сохранилась, но, говорят, нет нити прочнее, чем нить мейнорской крови. В четырнадцатом колене наследник может ее ощутить. До Тигура бастарду было куда меньше четырнадцати колен.

– Сам, разумеется, не видел, и отец мой видеть не мог, а вот прадед тот ров раскапывал.

– Так долго не живут.

– Наш род энжерский, мы из высших стафферов, – гордо заявил Храб.

– Давнее дело, – не желал сдаваться Инно.

– Но ведь кто-то и про давние дни помнить должен! Сколько людей проезжало здесь, под этими вратами останавливались, слушали пение ветра, дергальщики собирали дань в коро-

левскую казну, путники и лошади отдыхали после подъема перед спуском, неужели никто и никогда про ров тот не вспоминал?

– Ну, коли платы никто не ждет, то пора вниз, – отрезал Инно.

Начали спуск. Погонщики и охрана спешили, вели лошадей под уздцы да нажимали на деревянные тормоза.

– Эх, вместо того, чтобы рвы копать да людьми наполнять, лучше бы у дороги крутизну сбавили, – буркнул Эдгар. Они с Валеком выбрались из кареты и шли теперь пешком.

– Не иначе нарочно тут такая дорога, чтобы груза побольше разбивалось, – хмыкнул Храб, подпирая плечом карету. – Чтобы дергальщикам побольше доставалось. Потому как с разбитых телег груз – их добыча.

– Умен ты больно, – заметил Инно. Но без злости.

– Да уж не глуп.

– Если не глуп, то язык попридержи. А то Скорпиону придется каждую неделю доносы на тебя читать.

Кто такой Скорпион, Инно не объяснил, однако догадаться было нетрудно, что зовут так гвардейского офицера, поставленного над новобранцами.

На их счастье, карету не разогнало, ни одна ось не обломилась. С удивлением заметил Эдгар, что Инно один держит тяжесть не хуже пяти самых крепких мужиков. А ведь с первого пригляда вовсе и не сильный кажется этот мейнорец. Пожалуй, если бы, к примеру, вздумалось Храбу бороться с Инно один на один, бастард бы мигом положил парня на обе лопатки.

Вновь конные расселись по седлам. К сумеркам всем хотелось добраться до Стооконной таверны. По всем расчетам, была она недалече, возможно, уже за следующим холмом блеснет ее крыша на солнце и башня зеркальная. Рассказывают, на закате она так и горит, будто бы из огня созданная колдуном. Был, сказывают, в западных землях колдун, что умел создавать из огня дома, башни и стены крепостные. Но однажды обидели его сильно люди, и в тот же миг все, им созданное, обернулось огнем, и в том пламени сгорели обидчики. Одна только башня осталась в таверне Стооконной, потому как хозяин таверны не предал огненного колдуна. Вот и ставят с тех пор на камни надгробные или просто на камни придорожные перевернутый факел. Чтобы помнил народ краткопамятный: за дурное дело явится колдовской огонь, мигом слизнет все нажитое.

Инно замешкался, подтянул подпругу. Потом хотел ногу поставить на серый валун у дороги, но понял, что не для этой цели здесь камень лежит – различил на граните опрокинутый факел. Надгробие это. Заметил еще одно, потом еще. До того не замечал, а тут глаза, прежде сомкнутые, открылись. Под серыми камнями лежали люди изо рва, знак – перевернутый факел – грозил Тигуру, если душа его осмелится вернуться из иномирья. В каждом сне будут терзать его призраки. Пока маленький – станут мучить непонятными страхами, когда подрастет – каждую ночь будут являться замученные и грозить расплатой.

Как прикажешь жить человеку с такой душой?!

Лошади меж тем прибавили шаг: впереди показалась деревушка. Мирное такое селение. Над двумя или тремя крышами поднимался дымок. Хлеб пекли – запах свежего хлеба и сюда долетал. Путники разом оживились, Эдгар вытянул голову из повозки – от такого запаха даже у выкликателя живот подвело.

– Смерть, – сказал Инно и так дернул за повод, что гнедой его жеребец всхрапнул и поднялся на дыбы, замолотил в воздухе копытами. – Смерть.

А запах хлеба все густел...

– Засада? – Эдгар вглядывался в лежащую перед ними деревушку.

Объехать ее было невозможно. Развилка осталась перед воротами. А наверх обратно груз волочить у лошадей сил не хватит. Да и настигнут их в три скока в этом случае на подъеме. По полю не объедешь – по самые ступицы колеса увязнут.

– Засада, – подтвердил Инно.

– Можно проверить, – предложил беззаботно Храб. – Я съезжу, погляжу. Брать с меня нечего, разве что конягу. Да еще дубинку. Дозволь, уважаемый...

– Я с тобой, – сказал Инно. – Спешимся и пойдем через поле. Спрячемся в хлебах. Потом бегом. Так чтобы никто не разглядел.

– Далеко бежать, – запротестовал Храб.

– К смерти всегда успеешь, – Инно спрыгнул с седла и нырнул в пшеницу. Будто в воду ушел, ни один колос не дрогнул.

– А я по дороге. В открытую, – заявил Храб и хлестнул коня.

Чего ему прятаться-то в хлебах при его росте?

Так что, неси, коняга, неси шибко, да не очень, чтоб не слишком мейнорца опередить.

Деревня в самом деле была недалеко. Вмиг как-то домики приблизились. Запах свежего хлеба теперь уже совершенно одурял. На пороге ближайшего дома сидела старуха, укутанная в огромный серый платок и, скаля желтые редкие зубы, улыбалась.

– Иди, милоч, или, хлебушка отведай, хлеба радости, гость ты наш долгожданный...

– Спасибо, бабушка. – Храб, однако, не торопился спешиваться. Миновал первый дом. Приметил, что-то странное. Поначалу не понял – что. Потом догадался. Чужой в деревне, а ни одна собака навстречу не выскочила, ни одна не облаяла. Непорядок. Да и жителей не видать. Вон только... чья-то нога торчит из-под железного корыта. Странно, право, спать на улице, укрывшись корытом.

К запаху хлеба примешивался теперь другой. Тошнотворный.

Ребенок где-то плакал. Плакал – надрывался. Но никто не торопился унять.

«Беда... ох, беда...»

И тут они выскочили. Трое. Ростом почти вдвое ниже Храба, а в плечах чуть ли не шире. Выи, точно стволы дубовые, головы маленькие, в железных шлемах. Зубы скалятся. Броня чешуйчатая.

Зазвенел клинок, ударяя о сталь – окованная металлом была у парня дубина. Но Храба потому так и прозвали, что страх ему неведом. Весело ему становилось, когда сталь о сталь начинала звенеть. Эх, нате, вороги, получайте хлебушко радости. Двоих он приложил, третьему клинок переломил. Дубиной, однако, махать – не мечом. Пот с Храба так и лил. Меч бы... вон тот, что первый карлик уронил. Парень спрыгнул с коня, ухватил трофейный клинок. В этот миг еще трое из ближайшего дома выскочили. Что ж делать-то? Дубину бросить? Или меч? Или тем и другим махать? Храб решил – тем и другим. И начал.

Устанет быстро, но ничего, сдюжит. Первого сын трактирщика мечом раскроил от плеча до паха, клинок так и застрял в крестце. Был меч – нет меча. Дубина надежнее. Тем временем нападавших уже не четверо – шестеро сделалось. И еще двое им на подмогу бежали. В этот миг Инно подоспел. Выскочил из-за угла и пошел мечом махать. Так махать, что не уследить за клинком, он будто блик света, сверкнул, и поразил насмерть. Коротышки валились, будто колосья под косой, навстречу сами бежали, чтобы тут же на землю лечь. Нападавших становилось все меньше, но они и не думали отступать. Даже, когда осталось их только двое, все равно полезли на мейнорца с Храбом.

– Берем живыми! – приказал Инно.

Подставил под удар кинжал, отбил и заехал наверх мечом нападавшему в голову. Тот рухнул как подкошенный. Инно ударил рукоятью по руке, отшвыривая меч. Потом поставил ногу пленнику на спину.

Храб, решив, что дело сделано, обрушил на голову последнему уцелевшему грабителю свою дубину. Со всей силы ударил. От души.

– Стой! – запоздало заорал Инно.

Пленник под его ногой дернулся, вцепился зубами в запястье. Тело выгнулось, судорога заставила руки и ноги молотить по земле. Миг, и парень затих.

– Что с ним? – изумился Храб.

– Отравился. – Инно отшвырнул ногой неподвижное тело. – На будущее. Ослушаешься приказа еще раз, пойдешь в рудники. Если сказано – идти через поле, значит ползи, землю жри, но ползи. Сказано – брать живым, хватай, ни на кого не глядя. Запомни: в другой раз так не повезет. Во всех смыслах.

Инно подцепил острием клинка шлем с головы убитого, металлический котелок покатился, гремя о камни. Лицо у мертвеца было темное, с серым налетом.

– Холды-южане. Лазутчики, – сказал Инно.

– У нас гости с юга тоже были. Трое, – сообщил Храб. – Да только отец их сразу приметил, мигом всех положили.

– Плохо, – сказал Инно. – Очень плохо. Раньше в это время года они никогда не появлялись в Открытой долине. Только зимой. Значит... – Он не договорил, вытащил из-за пояса кожаную книжечку, сделал несколько закорючек грифелем и спрятал обратно за пояс.

– Надо в столицу кого-нибудь послать предупредить, – сказал Инно.

– О чем? – не понял Храб. – Мы же их всех перебили!

– Лазутчики. Как минимум, второй отряд, ты же сам сказал, что были другие. Как ты думаешь, зачем они здесь?

Инно замолчал. Потому что увидел на дороге женщину в длинной грязной рубахе. Она стояла, держа двумя руками поднос, а на подносе лежал только что испеченный, духовитый, румяный каравай пшеничного хлеба. Пекли его по приказу холдорцев, а угощать вышли людей короля.

Инно снял перчатки из шкуры болотной ящерицы и отломил от горячего караваев кусочек.

* * *

Гвардейцы облазали все дома и подвалы, выглядывая, не притаился кто-нибудь из южан внизу. Но нет, все вылезли, когда началась схватка, ни один не попробовал отсидеться. Из деревенских уцелело не так уж и мало. Инно выслушал их сбивчивые рассказы, велел собрать трупы жителей в один из холодных подвалов. Тела же лазутчиков отнесли к околице, облили смолой и подожгли.

Инно отвел в сторону одного из гвардейцев, вручил ему сложенный в несколько раз листок бумаги, так что тот стал похож на скрученный червяком лист березы, и произнес несколько фраз очень тихо. Эдгар, подошедший к концу этого напутствия, разобрал последнюю фразу:

– ... а разведку ширококрылов за Быстрицу.

Инно, услышав шаги за спиной, резко обернулся и уставился на выкликателя.

– Что тебе?

– Это покушение на меня? – спросил Эдгар.

– Не воображай о себе слишком много. Южанам ты не нужен.

– Что им нужно? Золото?

– Золото. И наши земли.

Гвардеец уже взлетел в седло.

– Скачи! – крикнул Инно и хлопнул коня по крупу.

Гонец умчался во тьму, что медленно наполняла долину.

Инно достал из-за пояса темный цилиндр, привычным жестом растянул его в жезл и приставил к глазу. Несколько минут он рассматривал бледно-серые облака на юге, потом оранжевые – на западе. Похоже, темная точка, медленно смещавшаяся к югу, привлекла его внима-

ние, потому что Инно следил за ней довольно долго. Потом опять превратил жезл в короткий цилиндр и прошептал: «Нет, только не сейчас...»

* * *

До Стооконной гостиницы путники добрались уже в темноте.

Отсюда, от этого дорожного узла вместо трех радиальных трактов к столице шел только один, тот, по которому им теперь волей-неволей придется катиться в общем потоке.

Ночевали Инно и его спутники в отдельной комнате, положив набитые тростником тюфяки на пол. На кровать возлег один лишь Эдгар. Поначалу выкликатель пробовал отнекиваться, но Инно так взглянул на него, что слова застряли в горле. Однако ненадолго.

– С королем вы как говорите? – поинтересовался Эдгар не без ехидства. – Кто кому приказывает? Он вам или вы ему?

– По-разному, – ответил Инно и, завернувшись в свой замызганный плащ, растянулся на тюфяке.

Судя по тому, что почти сразу дыхание его сделалось ровным, Инно тут же уснул. А вот Эдгар долго ворочался на кровати, прежде чем вновь очутился на поляне снов.

Толстый Карл, как всегда, его поджидал.

– Хочешь, покажу тебе мой любимый сон? – спросил пеплоед, усаживаясь на плече у выкликателя.

– Про детство?

– Вот глупый! У пеплоедов нет детства. Идем, идем, видишь, сон золотой. Значит, снится уже не впервые. Золотой сон про золотой сад. Прогуляемся по дорожкам и...

– Стой! – одернул его Эдгар. – Я туда не пойду.

– Почему это?

– Я знаю, чей это сон. Не пойду!

– Тогда топай в свое сновидение.

– Мне снится эта поляна...

– Так посиди на травке, а я погуляю по золотым дорожкам чужого сна.

Эдгар растянулся на траве, заложил руки за голову. Синее небо над головой без единого облачка. По небу реяли чужие сны – радостные и грустные, веселые и страшные.

«Надо бы отыскать мамин сон, да ей присниться, – подумал Эдгар. – Она наверняка обрадуется...»

Он думал об этом уже не в первый раз, но так и не решился исполнить.

* * *

Утром, прежде чем отправиться в путь, Инно сел вместе с Эдгаром и Валеком в карету, достал из стоящего под сиденьем сундука книгу в переплете из телячьей кожи.

Когда мейнорец раскрыл ее, Эдгара обдало сначала холодом, потом – жаром. Потому что понял, что перед ним заповедная книга выкликателей – каталог душ. Учитель Андрей говорил, что таких книг на свете всего три – одна в Обители, одна неведомо где и одна – у короля долины. Учитель Андрей владел неполным списком с этой книги, малым каталогом. У Инно с собой, выходит, королевский каталог.

– Сколько раз тебе доводилось выкликать души? – спросил посланец.

– Трижды три раза, уважаемый. Для северных князей и эрлов, – Эдгар старался говорить как можно почтительнее, хотя это плохо у него получалось, против воли в голосе прорывались дерзкие нотки. Андрей говорил, что дерзость – это яд оскорбленной души, которому нужно выйти наружу. Если это так, то в душе Эдгара гноилась незаживающая язва.

– Разве есть другие мейнорцы, кроме королевского дома, в Открытой долине? – насмешливо спросил посланец короля, давая понять, что уточнение про северных князей и эрлов излишне.

– Был род князя Рада, уважаемый. Для него души выкликал еще мой Учитель. Но они все погибли.

– Не все, – заметил Инно. – Один уцелел. Но не о нем сейчас речь. – Мейнорец перелистал несколько страниц, наконец палец его остановился на гербе – алом с золотом. – Король велел тебе выкликнуть душу короля Тигура.

Страница книги была окаймлена синей с красным рамкой. Какой-то диковинный зверь, возможно, горный лев, тащил убитого орла. Лев у художника получился смешной – с тощим телом, тощими короткими ножками и огромной кошачьей головой. Наверное, художник рисовал его с бродячего кота, укравшего из клетки ручную птицу.

– Король Тигур – ты понял? – Инно нахмурил брови.

– Я понятливый, не волнуйтесь! – к удивлению Инно выкликатель говорил с ним как с равным, ничуть не заискивая и дерзко глядя в лицо. – Это тот, что казнил сорок заговорщиков в один день?

– Тигур разбил северных князей и трижды отражал набеги с юга. Пусть новый Тигур казнит еще сорок изменников, но отразит южан и приведет к присяге север! – В голосе мейнорца зазвучал металл, видимо, при этих словах Эдгар должен был покорно опустить голову, но выкликатель все так же дерзко глядел в лицо. – Ты понял, что от тебя хочет король?

Эдгар кивнул:

– Выбор короля, по меньшей мере, странен.

– Прикуси язык, если хочешь возражать!

– Прикусить язык – для выкликателя последнее дело, – засмеялся Эд. – Так можно вызвать совсем не ту душу.

– Тогда молчи. Король выбрал знак Тигура.

– Король хочет призвать дракона?

– Что?

– В Альдоге Тигура называют драконом. Или вы не слышали? Нет? Когда Альдога взбунтовалась, король прибыл туда со своей гвардией и обещал обсудить требования городского совета и все вопросы решить по справедливости, если ему откроют городские ворота без боя, и кровь не прольется. Ворота ему Альдога открыла. Король вошел в город вместе с гвардейцами, после чего велел всем жителям выйти на большое поле-пастбище за городом. Выйти приказали всем – якобы король собирался говорить с каждым, даже самым маленьким и самым бедным горожанином, а не только с толстосумами из совета. Не чуя подвоха, все горожане вышли на это поле. Король велел отобрать гвардейцам каждого десятого. Неважно, кто это, мужчина, женщина или ребенок, и всех их перебить. Всех. Рубили мечами, кололи пиками, топили в реке. Такова была справедливость короля. С тех пор стали называть Тигура Драконом. А его справедливость – драконьей. Король должен знать эту историю.

– Король – не выкликатель. Вы смотрите на мир из разных башен.

Мейнорец протянул Эдгару книгу и выскочил из кареты.

– Вот и ответ, – хмыкнул Эдгар. – Почему я, а не кто-то из Обители. Они ни за что не станут выкликать Тигура.

– А ты станешь? – шепотом спросил Валек и покосился на дверь кареты.

– Стану ли я? Вопрос непростой. Тигура не выкликали уже почти двести лет. Его душа так далеко, что легче призвать чистую новую душу.

– Новых душ нет, вспомни, что говорил Учитель. Есть только старые, совершившие десять, а то и боле циклов. Одни уходят навсегда, другие возвращаются.

– Я уверен, что Учитель выкликнул для короля Стефана новую душу.

– Так то Учитель! – Валек не замечал, что сам себе противоречит. Либо нельзя, либо необходимо особое умение! Но Валек готов был принять обе версии. – Одна новая душа ничего изменить не может.

– Если новых душ нет, тогда мейнорцы вскоре исчезнут. Их становится все меньше и меньше. Их ряды тают – это знают все. Скоро останутся только стафферы и южане. Мир навсегда избавится от наглости и надменности избранных. Это хорошо. Но выкликатели потеряют работу. И это плохо.

– Замолчи! – крикнул Валек. – Почему ты всегда говоришь то, о чем говорить не следует! О чем следует только молчать.

– Я слышал, чтобы выкликнуть новую душу, надо найти для нее знак в тайных пещерах Восточного хребта.

– Нет никаких новых душ! – упрямо повторил Валек. – А в пещерах живут многоруки. Уж к ним-то за чистой душой лучше не соваться.

Эд принялся листать оставленную Инно книгу.

– Думаю, это единственная книга, в которой деяния королей записаны правдиво. Кто сколько казнил, кто предавался блуду, кто отрубил головы братьям, кто сколько нагрбил. Надо держать миску наготове, а то блевать потянет.

– Не все же дела отвратительны.

– Да, случалось, короли устраивали перерыв в злодеяниях. Кто-то пытался поймать небесного дракона, кто-то выдумывал новые обряды и устраивал гонения на старые. И все они (или почти все) воевали. Одни успешно, других преследовали поражения.

– Но удачливее Тигура никого не было, – заявил Валек.

– С чего ты взял, что Тигура баловала удача? – Эдгар насмешливо прищурился. – Вот, послушай. «Мечтая прирастить новые земли на севере, Тигур напустил множество бестий на замки князей, сжег все замки, кроме замка Бургундского, и опустошил соседние княжества. Он даже тех бестий выпустил из подземелий, которые не успели вырасти и набрать силу. Они лишь вспыхивали в небе, устрашая, но не принося врагам урона. Тем временем южные варвары захватили почти все земли Открытой долины, неся смерть и разрушение, и только те, кому удалось укрыться в Закрытом городе и королевском форкастле, уцелели. Терпя страшную нужду во всем, прежде всего голод и муки от ран и болезней, они отражали один штурм за другим. Длилось подобное бедствие три года, пока бестиарии замка не вырастили необходимое количество вошедших в силу бестий, и не напустили их на варваров, и всех сожгли. Когда Тигур вернулся, столица и замок были освобождены, но земли вокруг лежали в запустении. Тигур кинулся в погоню за отступающим войском Великого Свипера и с помощью старых, набравших силу бестий, сжег войска завоевателей, прежде чем они перешли пограничную реку». И этого человека ты называешь удачным правителем? Что-то я не вижу большой удачи в том, что он сжег варваров на своей земле. То есть вместе с пленными, вместе с теми, кто прятался в лесах и болотах. Недаром явились заговорщики, которые захотели отомстить Тигуру и свергнуть его с трона. Но он был победителем, преданная армия оградил его от ударов кинжалов. Жаль, что никто не выпил душу тирана, и он умер своей смертью... или все-таки выпил? Тигур умер внезапно на праздничном пиру. Упал бездыханный... – Эдгар не заметил, что начал дрожать.

– В других книгах пишут иначе, – попытался возразить Валек. – Даже в «Истории Альдоги» нет ничего подобного.

– Это каталог душ, – напомнил Эдгар. – На этих страницах никто не смеет лгать. Лживую фразу просто нельзя записать. Хотя стоило бы попробовать. А что? Вдруг и эта бумага стерпит ложь?

– Так ты откажешься выкликать Тигура? Скажешь королю это в лицо? Или все же согласишься?

Эдгар лишь пожал плечами.

– Я подумаю...

* * *

Дорога была ровной, карета покачивалась, Эдгар вновь задремал. В этот раз приснился ему проселок, что петлял среди лесных дубрав севера. Полная смеющихся девиц карета, упряжка из холеных серых лошадей, за ней следовала охрана из рыцарей в прозрачных дорогих доспехах из брони хадха. Впереди кареты скакали двое – седой воин и юноша в лихо заломленном на ухо берете с белым пером. Юноша был необыкновенно красив, золотые кудри его трепал ветер, но в глазах всадника стыла печаль, и губы были плотно сжаты.

Сон этот мелькнул и растаял, вновь Эдгар очутился на зеленой поляне.

– Ну вот, опять! – разозлился Толстый Карл, тут же возникнув перед выкликателем. – Я же ничего не успел рассмотреть в твоём сновидении. Почему ты здесь? Почему не на дороге, спи и наблюдай во сне за свадебным поездом королевской невесты! И я с тобой.

– Я – выкликатель, а не шпион!

– Тогда просыпайся! Ты мне надоел!

Толстый Карл бесцеремонно ткнул Эдгара под ребра, и тот проснулся.

Прежде пеплоед не снился ему каждый раз. Являлся изредка а теперь зачастил. Первый раз во сне Эдгар увидел пеплоеда во время урока Учителя Андрея. К тому времени прошло уже пять или шесть месяцев, как Эдгар ходил в подмастерьях у часовщика. Он многое узнал – о нынешнем ремесле Учителя и о делах иномирья, но с пеплоедом довелось встретиться впервые. Как только открыл он дверь из реальности и ступил на зеленую поляну, как увидел в траве толстого зверька, похожего на клубок серой шерсти.

– Это ты теперь в учениках у Андрея? – спросил зверек человеческим голосом, который, правда, звучал довольно пискляво. Видимо, поэтому для солидности зверек время от времени фырчал и поводил из стороны в сторону черной бусинкой носа.

– Ну, я...

– Отныне ты должен мне приносить самые вкусные сны. Вкусные, как марципан, – зверек облизнулся. – Тогда я стану тебе помогать.

– Как я это сделаю?

– Разве Учитель не рассказывал, как завладеть сном?

– Нет.

– Ну вот, так всегда. Как о помощи просить, так тут же Толстого Карла звать, а как накормить беднягу, так непременно забудут. – Эдгару показалось, что зверек обиженно всхлипнул.

– Как же тебя накормить? – Эдгар наклонился и хотел погладить зверька, но тот проворно отскочил, при этом развел лапки в стороны, и тогда Эд впервые увидел летучие перепонки пеплоеда.

– Не трогай меня! – испуганно заверещал зверек. – Никогда не трогай меня, если я, я сам не позволю!

– Ты что, испугался? – рассмеялся Эдгар.

– С чего ты взял? – Карл громко фыркнул. – Вот еще! С чего мне тебя бояться?! Я просто... Ну, таковы правила, – заявил он с апломбом.

– Так как мне поймать для тебя сон? – примирительно спросил Эдгар.

– На зеленой поляне их полно. Хватаешь самый красивый и несешь мне.

– И ты его съешь?

– Ну да.

– Но тогда человеку больше никогда не приснится его красивый сон.

– Вот глупый! – Карл самодовольно фыркнул.

«Он фырчит, как фырчал ручной ежик Лиды», – вдруг подумал Эд.

– Какой же ты глупый! Людям почти никогда не снятся сны по второму разу.

– Но иногда все же снятся, – настаивал Эдгар. – Мне, к примеру, мама часто снится. Будто мы сидим с ней на берегу озера, а отец...

– Такие сны можно сразу узнать! – перебил нетерпеливо Карл. – Они золотом светятся, их не бери. Бери те, что не повторяются – ярко-зеленые, как сама поляна. Хотя... – Карл мечтательно вздохнул. – Золотые сны – самые вкусные.

В тот раз маленький Эдгар поймал для Карла первый сон – зеленый, как незрелое яблоко, и на вкус – такой же кислый. Карл потом долго кривился и поучал маленького выкликателя, что зеленый цвет – тоже разный. Бывает зеленый – вкусный, от него сразу слюнки текут. А бывает – ядовито-зеленый. Это кошмары, у пеплоедов от них изжога и тошнота.

В тот год зима стояла холодная, снег укрыл белым покрывалом Открытую долину, что случалось раз в пятьдесят лет, а то и реже. Подростки обливали водой горки, катались по замерзшим прудам на санках или на самодельных деревянных коньках со стальными полозьями. Визг и смех стояли над пастбищем близ Альдоги – на снежном поле парни с девушками разезжали в санях, запряженными лошадьми, а то устраивали гонки – кто шибче проедет отмеченный круг. Торговцы ставили прямо на поле шатры, торговали горячими пирогами и глинтвейном, меховыми рукавицами и шапками, пуховыми шальями и сапожками на меху. Учитель расщедрился, и каждый день отпускал мальчишек кататься на коньках...

Но радость морозной зимы неожиданно сменилась для Эда кошмаром.

Уже в конце цехового праздника сукновалов в Альдогу явился незнакомец, седой странник в длинном темном балахоне, с посохом в узловатой сильной руке. Старик собрал в кружок ребятшек из мастерских и принялся расспрашивать, что они видят в своих снах. «Кто расскажет о самом чудесном сне, тот получит негаснувший камень люмен, что светит холодным синим светом», – пообещал старик. Скрипел снег под ногами, изо рта старика при каждом слове шел пар. В белых завитках пара мелькали то всадники на белых конях, то принцессы в воздушных одеяниях, Эдгар не сразу сообразил, что фигурки эти видит только он.

– Вы из Обители? – спросил Эд таинственного старика.

Тот ничего не ответил, лишь внимательно поглядел на мальчишку.

Ученик Андрея не мог принимать участие в том разговоре, он попросту обязан был уйти в дом. Обязан, да, но...

«Вдруг, – подумал Эдгар, – вдруг Учитель ошибся, и меня все же возьмут в Обитель?!
Вдруг этот старик возьмет меня в Обитель?!»

Он будет учиться с избранными, увидит брата Гая, он станет самым лучшим, как обещал Гай!

Ребята загалдели наперебой. Одни говорили, что летают во сне, другие, что дерутся. Девочкам снились куклы, мальчикам – дальние страны за морем. Эдгар рассказал про наглого толстого зверька на зеленой поляне. Старик выслушал внимательно. И отдал камень люмен соседской девчонке, дочери булочника, которой снилась принцесса в розовом платье.

Эдгар при виде такой несправедливости разревелся.

Ему было ужасно стыдно за эти слезы, но он плакал и никак не мог остановиться. Он был уверен, что приз должен был достаться ему. А девчонка вся буквально раздувалась от гордости, она вертела тесемку люмена на пальце перед носом Эда и кричала:

– Камень мой! Мой!

– Зачем ты плачешь, малыш! – шепнул странник на ухо Эдгару. – Ты же лучший. Они – обычные, ты – выкликатель, и ты уйдешь со мной, чтобы стать великим.

– В Обитель?

– Конечно.

– Убирайся, Павел! – внезапно зазвенел ударом колокола голос Учителя Андрея.

Или в самом деле на сторожевой башне ударил колокол?

Эд так перепугался, что прекратил плакать. Старик в темном балахоне отступил, перехватил посох поудобнее, как будто собирался драться, смотрел с вызовом, шуря глаза.

– Уходи немедленно из Альдоги! – Андрей сделал шаг вперед, наступая. – Этот мальчик – мой ученик. А ты... Ты никого не сможешь здесь обмануть, никого не посмеешь утопить в своей грязи!

– Какой же ты Учитель, если твой дар исьяк? – насмешливо спросил Павел. – Ты пуст, как обычный стаффер. Уже много лет ты ладишь безделушки, Андрей!

– На один удар меня хватит, – заверил Учитель.

Павел оскалился, угрожающе взмахнул посохом, но рисковать не посмел. Повернулся и быстрым шагом направился к воротам.

– Эдгар, мой мальчик! – повернулся к ученику Андрей. – Разве я не говорил тебе, что нельзя никому рассказывать о том, что ты видишь во снах? Ни о зеленой равнине, ни о пепельных полях и уж тем более ни в коем случае нельзя говорить о пеплоедах? Ведь я предупреждал тебя?

– Предупреждали, – кивнул Эдгар. – Но я...

Он не мог объяснить, как случилось, что желание получить приз затмило все наказания Учителя. Это было как наваждение, как краткое безумие – непременно стать первым!

– Мальчик мой, запомни, я запрещаю не из прихоти, не для того, чтобы продемонстрировать силу своей власти. Всего лишь учу тебя, как избежать опасностей, которые подстерегают выкликателя на каждом шагу. Желание опередить других, стать лучше всех, всех сильнее – одна из самых страшных опасностей, Эд.

– Но Гай сказал, что я... – попытался оправдаться ученик.

– Ты очень силен, Эдгар, ты даже сам не подозреваешь насколько. Тем более глупо гоняться за обещанной первым встречным конфетой.

– За камнем люменом, – шмыгнул носом Эдгар. Про свои надежды попасть в Обитель он не осмелился заикнуться.

– Люмен... Ты думаешь, Павел припас для победителя настоящий люмен? И ты, глупый мальчик, поверил! У этой девчонки – пустышка, подделка, погаснет через три дня. Такие и я могу делать на продажу, и буду делать на праздник фонарщиков, а вы с Валеком мне помогать. Настоящий люмен – королевский камень, вечный холодный огонь звезд. Тебе его когда-нибудь подарит король.

– Откуда вы знаете? – изумился Эдгар.

– Знаю и все.

Через неделю старик в темном балахоне подкараулил Эдгара на улице, сунул что-то пахучее в нос, отчего у мальчишки онемели руки и ноги, накинул на голову мешок и унес обездвиженного. Ночью, когда действие трав закончилось, и старик сладко храпел на сеновале придорожной таверны, укрывшись конскими попонами, Эд скользнул за знакомую дверь с бронзовой сверкающей ручкой, вытащил наполовину голову старика в иномирье, а сам тут же вернулся назад. Освободиться из мешка оказалось делом не таким-то простым. Пришлось сквозь ткань нащупать на поясе старика нож и разрезать холстину. Уже покинув сеновал, Эдгар кинулся в иномирье и отправил душу старика назад в реальность. Сделать это было не просто – старик уже шагнул на пепельные поля, Эдгару пришлось прыгать по камням, чтобы позвать назад душу. На счастье, он не оступился ни разу, иначе погиб бы в ту ночь, и ветер иномирья унес бы его к реке.

Сбежать в реальности оказалось труднее, нежели в мире снов. Ворота таверны были закрыты и заложены брусом, чтобы сдвинуть такую задвижку маленькому Эдгару силенок явно не хватало. Эдгар запаниковал, едва не расплакался, но сумел как-то взять себя в руки, утер наворачившиеся на глаза слезы, огляделся и решил лезть через стену. Хозяйский пес лишь тихонько скулил, пока беглец приставлял к ограде лесенку и поднимался вверх – собаки все-

гда чувствуют выкликателей и боятся их куда больше волков или многоруков. Со стены пришлось прыгать – напрямиком в сугроб.

На миг перехватило дыхание, а потом сделалось даже жарко, мальчишка выбрался из сугроба и кинулся бежать по дороге. Светили две малые луны, большая Селена еще не восходила, ночь выдалась морозная, похрустывал под ногами снежок. Хорошо, что Эдгар, убегая, догадался прихватить с собой старую попону, иначе просто бы замерз по дороге. К утру, на рассвете Эдгар выбился из сил, уже не бежал, а брел и даже не сразу сообразил, что его окликают. Он поднял голову. Навстречу ему ехали сани, запряженные бодрой лошадкой, правил ими Андрей, Валек сидел рядом, закутанный в клетчатый плед. Андрей остановился рядом с учеником, протянул руку и буквально втащил Эдгара в сани, накрыл толстым суконным одеялом. Потом дал глотнуть обжигающей настойки из фляги. Сладкое тепло тут же растеклось по всему телу.

– Я только недавно почувствовал, где ты, – сказал Андрей, – хотя пустился в погоню еще вечером, но поначалу выбрал неверный путь. Не знал, где тебя искать, пока ты не пришел в себя.

Эдгар уткнулся Учителю в подмышку и заплакал навзрыд.

– Я вытащил его душу, вытащил и чуть не убил... – сквозь всхлипывания признался Эдгар.

– Но вернул, – сказал Андрей примирительно.

– Да, вернул.

– Это хорошо. Потому что запомни, раз и навсегда запомни... – голос Учителя дрогнул. – Если ты не вернешь похищенную душу назад, то лишишься дара выкликателя, ты сможешь только пить души, нести смерть, а не жизнь.

В тот момент – именно в тот момент Эдгар понял, что не дает Учителю вернуться в иномирье. Чья-то выпитая душа навсегда лишила его дара. Отныне он может только пить души, убивая. Но убивать не хочет и потому отказался от дара. Именно поэтому дрогнул голос Андрея. Если бы Эдгар поднял голову – он знал это точно – то увидел бы в глазах учителя слезы.

Казалось бы, после ужасной ночи Эдгара тут же должен был сморить сон. Но он почему-то не мог заснуть.

– Это твой пеплоед не пускает тебя в иномирье! – объяснил бессонницу ученика Учитель. – Бойся, что не вернешься в реальность. Береги пеплоеда – он твой честный помощник на той стороне, не предаст, не обманет. Дари ему лучшие сны.

Сани остановилась. Не сразу Эдгар сообразил, что они вновь вернулись к таверне, из которой мальчишка сбежал. Ворота уже были открыты, из трубы весело поднимался дымок. Рано вставшие путники уже покидали гостеприимный приют.

– Держи вожжи, – приказал Учитель Валеку и, соскочив на землю, отправился к воротам.

Эдгар весь съезжился, догадываясь, что сейчас должно произойти. Учитель исчез за дверью, и в тот же момент загудел колокол – страшный низкий звук заставил учеников плотно прижать ладони к ушам и зажмуриться. Колокол ударил трижды три раза и смолк. Когда Эдгар вновь открыл глаза, Учитель уже забирался назад в сани.

– Этот человек – наемный убийца, искал себе ученика, – сказал Андрей.

– Вы его убили? – в голосе Валека неожиданно прозвучал восторг.

– Нет, я сделал куда более страшную вещь – отнял у выкликателя дар.

– Такое возможно? – изумился Валек.

– Возможно. Но надо, во-первых, иметь для этого силу и, во-вторых, дар можно отнимать только у пьющих души.

«Учитель – тоже пьющий души. У него тоже можно отнять дар!» – ужаснулся Эдгар.

– Выкликателей многие не любят, – говорил Учитель Эдгару и Валеку, пока они неспешно катились назад в Альдогу. – Нас считают ворами, верят, будто мы крадем души из иномирья и будто бы здесь мы тоже ворует – кошельки, драгоценности, чужое счастье. Мейнорцы – вот наши защитники, они никогда не позволят обидеть выкликателя. Помнят, что без нас их род пресечется в ближайшем колене.

Эдгар навсегда запомнил, как они возвращались домой, как учитель держал его за руку, а он в испуге ухватился второй рукой за край учительского плаща, теребил влажной ладонью опушку меха. Потом они втроем сидели в столовой, потрескивали поленья в очаге, Ада поставила перед каждым миску с вкуснейшей мясной похлебкой с морковью и луком, учитель усадил служанку вместе со всеми за стол. Ада выпила две кружки эля и принялась голосить дурным голосом похабные матросские песни о прекрасном королевстве Бейни и его соблазнах. Валек и Эдгар хохотали до слез, Андрей то морщился, то улыбался, Ада вопила все громче, пока из соседнего дома не прибежал подмастерье с просьбой утихомириться и прекратить пение.

После того случая Эдгар часто не мог заснуть по ночам, вставал, на цыпочках подкрадывался к двери в спальню Учителя, прислушивался, дышит ли Андрей. Вдруг кто-нибудь во сне возьмет и выпьет его душу. Через две недели мальчишка не выдержал и обо всем рассказал Учителю.

– Не бойся, – заверил его Андрей. – Дом обнесен силовым барьером. Никто не сможет выпить душу, ни твою, ни мою, ни Валека. Даже Адину душу не выпьет.

– А как же я... – Эдгар запнулся, ему всегда было стыдно вспомнить о первой их встрече.

– Прилавок на улице, – напомнил Андрей. – И я никак не мог предполагать опасности, исходящей от такого малыша. Знаешь, недалеко от Альдоги во время войны с бургундами мальчишка чуть старше тебя подошел к князю. Бургундец стоял, окруженный свитой, рыцарями-мейнорцами. Князь, ничего не подозревая, стал звать паренька в оруженосцы. Мальчишка поклонился в ответ, вытащил нож из сапога и всадил Бургундцу в правый бок. Аккурат в печень. Мы проигрываем, когда не ожидаем удара.

– А тот мальчик... ну, тот, который убил князя? Он спасся?

– Спасся, конечно, – Андрей нахмурился. – Он стал королем Тигуром. Проклятием Альдоги.

Уже много времени спустя Эдгар узнал, что не существует никакого силового барьера, что вся надежда была на талант Андрея, просто Учитель хотел, чтобы мальчишка перестал мучиться по ночам и спал спокойно, не переживая за чужую душу.

Та зима во многом определила будущее Эдгара.

Еще месяц спустя, уже ближе к весне, в этой самой столовой Эд увидел красивую молодую женщину в темно-синем платье из тончайшего драпа. Она сидела за столом напротив Андрея, пила из серебряного кубка вино с пряностями и слегка постукивала по столу рукой, унизанной перстнями. Рядом с нею лежал берет с белым перышком цапли, а волосы женщины свободной волной растеклись по плечам. Эдгар никогда в жизни не видел таких волос – они были как роскошное покрывало золотого цвета. Он еще не знал, что по этим волосам без труда можно узнать мейнорцев.

– Он не сможет. Мальчик еще слишком мал и ни разу не ходил по пепельным полям, – услышал Эдгар голос Учителя, отворив дверь, но еще не перешагнув порог. Внезапная робость его охватила. Он сразу понял в тот миг, что ему предстоит что-то важное, но исполнить предстоящее будет очень не просто.

– У меня нет выбора, Андрей, – ответила женщина. – Послать гонца в Обитель я не успею. Даже если самый лучший травник сварит самый лучший отвар для Гериера. Счет уже идет на часы.

Эдгар набрался смелости и вошел. Поклонился.

– Извините...

- Что тебе, деточка? – повернулась к нему женщина.
- Извините... Я ходил по пепельным полям, – выдохнул юный выкликатель.
- Так это он! – изумилась женщина. – Такая кроха.
- Пойдем! – Андрей поднялся.

Лицо его мгновенно переменялось – таким оно становилось каждый раз, когда Эдгару предстояло путешествие в иномирье.

Он взял мальчика за руку и повел из дома. Ада догнала их уже на пороге, накинула на плечи Андрею плащ, Учитель укрыл его полой мальчишку. Теплый пушистый мех горной белки приятно щекотал кожу. Гостыя шла впереди, и прохожие сторонились, уступая ей дорогу. Они шли недолго – два квартала, до углового дома, в котором торговали травами. В этот вечер ставни были закрыты, столы сдвинуты к стенам, посредине комнаты стояло широкое деревянное ложе, и на ложе этом укрытый белым шерстяным одеялом лежал человек лет тридцати пяти с белым до синевы лицом, с запекшимися потрескавшимися до крови губами и запавшими глазами. Волосы у человека на кровати были не русыми или золотыми, как обычно у мейнорцев, а черными.

– Его зовут Герьер, – сказала женщина. – Он тяжело ранен. Его душа ушла в иномирье, но тело еще дышит. Я везла его в Обитель, но здесь, в Альдоге, поняла, что не успею довести. Никак не успею... Не бойся, малыш! – Женщина вдруг опустилась перед ним на колени, положила красивые унизанные перстнями руки на плечи и взглянула в глаза. – Вдруг у тебя получится. Если Герьер ушел недалеко, оклики его по имени и позови назад, скажи, что Анна ждет его. Скажи, что Анна не может без него жить, что он должен вернуться. Запомнил, малыш?

Эдгар спешно кивнул. Он хотел сглотнуть, но во рту не оказалось слюны. Мальчишка лишь судорожно дернул шеей и облизнул губы ставшим вдруг шершавым, как у кошки, языком.

- Тогда ложись и спи, – сказал Учитель.
- Куда ложиться? – не понял Эдгар.
- Рядом с ним на кровать.

Анна помогла ему взобраться на высокое ложе и улечься рядом с раненым.

– Спи! – Андрей положил ладонь Эдгару на лоб.

Мальчик тут же очутился на поляне снов, зеленую шелковистую траву волновал ветер, и Толстый Карл, взявшийся неведомо откуда, уселся ему на плечо (в первый раз) и потерся холодным носом о его щеку.

- Надеешься выкликнуть мейнорца, Эдгар?
- Его зовут Герьер.
- Он уже на пепельных полях. Торопись! Беги!

И они помчались. Нет, они не бежали – летели. Миновали поляну в один миг. Кромка черных полей неожиданно очутилась рядом. Эдгар разглядел фигуру в белом балахоне. Она медленно удалялась, вздымая при каждом шаге облачко черного пепла. Опять Эдгар поразился метаморфозе: душа Герьера не походила на его тело. В иномирье мейнорец походил на обломок гранитной скалы. Брутальный, угловатый, мрачный.

– Зови его! – шепнул Карл. Он обхватил тонкими ручками Эдгара за шею. Руки у него были поросшие мягкой густой шерсткой, а вот ладошки оказались гладкими и теплыми, как у маленького человечка. Карл при каждом выдохе едва слышно фыркал, как будто что-то его постоянно смешило.

– Герьер! – крикнул Эдгар. – Анна не может без тебя жить!

Ему показалось, что от крика что-то лопнуло у него в голове, и горячая кровь хлынула из носа.

– Герьер... – уже пролепетал он и почувствовал, что ноги подгибаются.

– Назад! К двери! Назад! – принялся тормозить его Карл, щипать за щеку и царапать острыми когтями. – Или останешься здесь навсегда. Назад!

Эдгар побежал. Он бежал очень-очень долго, путаясь в траве, задыхаясь и хрипя, и размазывая ладонями по лицу бегущую все сильнее кровь. Карл летел впереди и выкрикивал непрерывно: «К двери!» Когда рядом оказалась эта самая дверь, и Эдгар толкнул ее и вывалился наружу, ему все еще чудился крик Карла.

На миг он открыл глаза. Увидел каких-то женщин, белую тряпку, залитую кровью, и вновь впал в забытие, на этот раз лишенное снов, выстеленное густой чернотой, как пепельные поля иномирья.

В себя он пришел уже в своей комнате, дома. Учитель сидел возле его постели, закутанный в старый, протертый до дыр халат поверх рубахи и шерстяных штанов. Андрей что-то вычерчивал на листе белой бумаги, поглядывая на Эдгара. За окном был день, медленно кружились снежинки, слышались радостные детские голоса: сверстники Эдгара играли в снежки.

– Ну, как ты? – спросил Учитель, прищуриваясь и оглядывая мальчишку не лишенным иронии взглядом. – Помнишь, что с тобой было на той стороне?

– Я звал Герiera... – прошептал Эд.

– Сколько раз?

– Один... нет, два... во второй раз позвал тихо...

– Твое счастье, что дважды. Крикни ты в третий раз, остался бы там навсегда. А его счастье, что дважды. Ты успел остановить его душу. Немногим взрослым это под силу.

– Значит, он жив?

– Ну да, они с женой уже уехали.

Уехали? То есть не попрощались, не заглянули в комнату к пребывавшему между жизнью и смертью мальчишке. Просто получили то, что хотели. И все.

– Ждал благодарности, малыш? – Учитель будто услышал его мысли и покачал головой. – Не надейся. Благодарность – это лишнее. Надо просто вовремя оговорить плату за свой опасный труд. Иначе умрешь под забором от голода и холода. Если потеряешь дар, как я, и не найдешь достойного занятия, будешь ходить по городам и весям и воровать на базарной площади кошельки, на миг вырывая душу намеченной жертвы в иномирье, как это делает теперь Учитель Фома. Но об Учителе Фоме не принято говорить. Он как бы не существует, хотя все еще живет. Но его имя навсегда вычеркнуто из списка выкликателей.

– Ты... ты не договорился об оплате... для меня? – спросил Эд.

– Конечно, договорился. Вон они, твои законно заработанные золотые. – Андрей постукивал кожаным мешочком по столу, внутри запели монеты. – Теперь запомни: вернуть душу мейнорца, остановить его на пути в иномирье – самая трудная задача выкликателя. Труднее всех. Обычного человека легко отослать в иномирье, но и вернуть нетрудно, если времени хватит. Мейнорец может пребывать между жизнью и смертью не минуты, но долгие дни. Однако, чем дольше длится эта нежизнь и несмерть, тем сложнее выкликателю вернуть душу назад в тело. Помни об этом, когда еще раз осмелишься взвалить на плечи подобную ношу. И еще помни: первый шаг назад душа должна сделать сама. Ты можешь ее звать, можешь сулить что угодно. Но повернуться лицом к жизни душа должна непременно по своей воле.

* * *

Карета, украшенная королевскими гербами, остановилась для смены лошадей.

Эдгар, несмотря на протесты гвардейцев, вышел наружу размять ноги. Инно тут же очутился рядом. Он умел подходить бесшумно, возникать ниоткуда, сильный и одновременно изящный, было в нем что-то от хищной огромной кошки, пантеры или пумы, горного льва Восточного хребта.

– Прочел каталог? – спросил Инно.

– Пару глав осилил. Чтение не для слабонервных. Теперь во рту постоянно вкус крови. Что думает невеста короля о душе Тигура? – поинтересовался Эдгар.

– Это не ее дело – думать о том, какую душу получит наследник. Ее задача – родить здорового малыша, – в голосе Инно вновь зазвучал металл.

– Если она мейнорка, а она наверняка мейнорка, то прибудет из северного княжества, – принялся рассуждать вслух Эдгар. – Не из Монакского – там только что все умерли – и князь, и княгиня, и сестры князя. Может быть, их убили после того, как одна из принцесс дала согласие стать женой Стефана? – Эдгар покачал головой. – Если невестой была сестра Монакского князя, свадьба не состоится.

– Свадьба состоится, – заверил Инно.

– Значит, тот, кто хотел расстроить королевскую свадьбу, ошибся, и убил не тех. Тогда что же получается... Вряд ли король посватался к бургундским принцессам – с бургундами Открытая долина всегда на ножах. К тому же тамошние женщины уродливы и сварливы. Значит, девушка из Пьемонта. Не думаю, чтобы там любили Тигура. И не думаю, чтобы женщины северян привыкли к покорности. Я бывал на севере.

– Тебе тоже не след ни о чем думать! – отрезал Инно.

– В Обители выкликателей ты бы говорил так же? Или там ты уже побывал и тебя выставили, и поэтому король обратился ко мне?

– Ты слишком дерзок, мальчишка.

«Он привык, что все сгибаются перед мейнорцами, а я не гнусь... – думал Эдгар, и его почему-то при этой мысли начинал разбирать смех. – Схватить бы его душу да дернуть на ту сторону и посмотреть, что он за гусь! А почему бы и нет?»

Эдгар присел на подножку карету, прислонился спиной к дверце, мысленно подобрался, телом же наоборот расслабился, увидел знакомую ручку, распахнул дверь, прошел на поляну, рассеял границу с реальностью. Мысленно ухватил Инно за волосы и рванул на ту сторону. Дальше произошло невероятное. Эдгара швырнуло через всю поляну снов к самой границе пепельных полей. А Инно вылетел обратно в реальность. Но этого мига хватило, чтобы увидеть душу бастарда.

– Ты идиот, парень! – тут же очутился рядом Толстый Карл. – Назад, скорее!

Опять перед глазами пронеслись зеленые просторы поляны снов, теперь в обратном направлении, Эдгар глубоко вздохнул и пришел в себя. Глупо, конечно, потакать собственной слабости! Сколько раз Учитель его предупреждал!

В следующий миг Инно ухватил его за шиворот, поднял в воздух, как котенка, и отнес шагов на двадцать по обочине дороги. Здесь, по-прежнему держа выкликателя на весу, произнес глухо одно слово:

– Зачем?

– Посмотреть, только и в-всего...

Ткань рубахи резала горло, голос сипел и хрипел.

Инно мгновение подумал и поставил выкликателя на землю.

– Ты с каждым можешь такое?

– Могу... – Эдгар поправил выбившуюся из штанов рубаху. – Но вытащить в иномирье мейнорца куда сложнее, чем обычного долинника.

– Видел мою душу? – спросил Инно.

Эдгар кивнул.

– И как тебе?

– Вам надо держаться подальше от короля.

– Это почему же?

– Мне кажется... – Эдгар потер рукой горло. – Короли не особенно жалуют таких, как вы.

– Хочешь сказать...

– У вас непокорная душа, дерзкая и бесстрашная.

– А у тебя?

– У меня непокорность другого сорта.

– Когда ты исполнишь все, что нужно, тебя могут убить за твою дерзость. Не боишься?

– Надеюсь, король не так глуп, и понимает, что я могу ему вновь пригодиться. Или он готов ограничиться одним ребенком? Или его сестрам не нужны дети?

Неожиданно Инно рассмеялся:

– Клянусь небесным огнем, у тебя на каждое мое слово найдется десять. Если бы ты не был выкликателем – мог бы стать королевским шутом. Жаль, место занято.

– Я бы не пришелся ко двору. Могу только злить, смешить не умею, – тут же парировал Эд.

– Эй, запрягай лошадей! – приказал Инно, обернувшись к своим людям. – Теперь до самой столицы менять не будем! Пожалуйте в карету, уважаемый, – махнул рукой мейнорец, приглашая выкликателя. – Ехать придется долго. Долго и медленно. Запасись терпением, мой друг.

Инно не ошибся: ближе к столице повозка угодила в плотный поток людей, спешивших на ярмарку (о том, что грядет королевская свадьба, как и заведено, держалось в тайне). Теперь даже карета с гербами короля Стефана катилась со скоростью медленно идущего человека, о галопе нечего было и думать. Зато Эдгар и Валек без помех смогли выпить эля, перекусить и поболтать.

– Как ты думаешь, кто такой Инно? Если он бастард, то у него вполне может быть душа несостоявшегося, – сказал Валек, отставив бокал и вновь принимаясь листать каталог душ.

Эдгар кивнул:

– Так и есть.

– Великий Руддер! Так ты сделал это! Ты выдернул в иномирье его душу? Зачем?!

Эдгар пожал плечами:

– Просто захотелось глянуть, что он за птица.

Валек задумался и даже чуть-чуть отодвинул край занавески, чтобы глянуть на их провожатого. На вид лет тридцать. То есть столько же, что и королю, раз ему досталась душа наследника, выкликнутая слишком рано.

– Он должен быть его старше на месяц или больше... – сказал Валек.

– Скорее всего, – согласился Эдгар. – Из него мог бы выйти неплохой правитель, если судить по увиденной душе. Однако Великий Руддер повернул иначе.

После проведения обряда выкликатель в первую брачную ночь старается вызвать душу наследника. Но физиология не всегда подчиняется желаниям, зачатие может не состояться, а вызванная душа будет пребывать на этой стороне двадцать дней и ночей. И если королева не понесет, призванная с таким трудом душа погибнет. Поэтому король непременно посетит еще одну или две спальни королевских фрейлин в ближайшие ночи. Если душа достанется наследнику, то фрейлины в новолуние уронят обильную кровь, избавляя тело от мертвого плода. Если же королевское чрево так и останется порожним, во дворце появится еще один бастард. Детей, рожденных от мужчин-мейнорцев, не берут в детстве болезни, да и взрослые редко болеют, они сильнее и выше ростом, чем ребята обычных долитников. Теоретически они могут прожить лето сто пятьдесят, а то и больше, но во время сражений их обычно ставят на самые опасные участки, почти все они гибнут в боях, и мало кому из бастардов удается встретить старость и тихо скончаться в своей постели.

Так что побочные королевские отпрыски хорошо представляют, чего именно их лишили и зачастую пытаются исправить несправедливость. Тигур приказывал убивать своих сыновей-бастардов, дабы оградить законного наследника в будущем. Но выкликатель как будто на зло (а может быть в самом деле на зло?) снабдил его сына подленькой и жалкой душой-

кой. Рассказывают, что так выкликатель отомстил Тигуру за гибель своей семьи. Эта месть стоила Открытой долине еще нескольких тысяч жизней, двух гражданских войн и истребления нескольких воистину славных родов Мейнора.

– Будь ты проклят, Тигур! – прошептал Эдгар. – Но назад ты не вернешься.

* * *

Дорога все расширялась и теперь медленно шла в гору. Город восседал на холме, что террасой расположился у подножия королевского форкастла. Сам же форкастл построили на природной скале, и дорога к его воротам вела одна-единственная. Стены и башни замка были сложены из огромных каменных блоков, тогда как городские стены выглядели куда менее прочными. Крыши королевской резиденции, как и городские строения, крыты были позолоченной медной черепицей. Золото жарко горело в лучах послеполуденного солнца. Говорят, в Восточных горах полно и меди, и золота, руду привозили оттуда целые караваны, пока столица строилась.

Повозка, а вместе с ней и эскорт, достигли городских ворот уже к вечеру. Две сторожевые башни, крытые медью, поражали необъятностью размеров. Пожалуй, они могли соперничать могучей кладкой со стенами королевского замка, да еще главная пороховая башня города, толстая Бри, была такой же могучей. Стражники в количестве трех человек сидели в позах отнюдь не воинственных на деревянной скамейке. Едущие и идущие мимо, кто в город, а кто, напротив, из города, охранников нисколько не интересовали. Время от времени они поднимали головы наверх и вглядывались в ярко-синее небо, сейчас абсолютно чистое, лишенное облаков. На западе кружила стая птиц, и это темное пятно, что медленно сдвигалось к северу, привлекало внимание стражников, как будто они – все трое – записались в общество добровольных птицегадателей.

– Эй, Хад! – крикнул один из сидевших на скамейке. – Ничего не видишь?

– Спокойно! – нараспев отвечал с башни невидимый Хад.

– Что за странные птицы вдалеке?

– Один Великий Руддер знает, птицы ли это! Мне почему-то кажется, что это ширококрылы.

– Да не обратят на нас внимания небеса, – прошептал стражник.

– Часы риска миновали! – воскликнул Инно, наклоняясь с седла к пребывавшему в благодушном настроении стражнику.

Парень вскочил, уронив при этом щит, вытянулся в струнку перед мейнорцем и рявкнул:

– Пусть защитят всех нас своды!

– Твоими стараниями... – хмыкнул Инно.

Путники въехали в город. Сразу наступили сумерки. Вдоль узких улиц горели масляные фонари, запах дыма и горящего масла пропитал здесь воздух и камни. Открытого неба нигде не было. Просветы меж домами были закрыты: в узких боковых улочках медной кровлей с маленькими оконцами, а над центральной базарной площадью с ратушей – особым небьющимся стеклом. Бала еще прозрачная кровля над улицей стеклодувов, где селились самые состоятельные люди города.

Карета свернула на боковую улицу. «Кровельная», – значилось на прибитой к стене табличке. Эта улица была пошире прочих, наверху поблескивали застекленные окна, так что немного света все же пробивалось вниз. Путники остановились перед обшитой медью дверью. Один из гвардейцев распахнул ее.

– Здесь вы будете оба жить до дня свадьбы, – сказал Инно. – Вас будут охранять королевские гвардейцы. Никто не должен знать, что выкликатель прибыл.

Эдгар с Валеком вошли внутрь. В узкой прихожей воздух был куда чище, чем на улице, однако и здесь царил полумрак.

Дверь во внутренние покои отворилась, на пороге возникла женщина в строгом платье из красно-коричневой ткани, в белом чепце.

– Да защитят вас своды, добрые люди! – сказала она с поклоном.

– Часы риска миновали! – гаркнули в ответ гвардейцы.

Эдгар обернулся.

Инно уже не было с ними. Как он ушел – бесшумно и почти мгновенно, никто не заметил.

Глава 5

Столица

Ночью Валек проснулся от крика. Кричал Эдгар. Когда ходил по горячему пеплу, выдирая душу девчонки из иномирья, кричал примерно так же – боль мучила его во сне, но он не мог пробудиться. Валек вскочил, бросился к товарищу, стал трясти за плечо. Тряс и тряс. Наконец Эдгар распахнул глаза. Но в них были муть, тоска и отчаянье. Никогда прежде Валек не видел у выкликателя такого взгляда. А казалось бы – только золотые сны должны рождаться в этой уютной спальне с деревянными панелями на стенах, с красно-золотым кессонным потолком, с двумя удобными кроватями с высокими узорными спинками, мягкими перинами и горками нежнейших подушек.

– Что случилось? – Валек растерялся и на всякий случай еще раз потрянул товарища в надежде, что тот окончательно очнется, и взгляд его обретет прежнюю ясность.

Маленький светильник горел на столике, тускло освещая комнатку. Никого, кроме них двоих, в спальне не было.

– Нога... нога... нога... – зашептал Эдгар.

Валек сдернул одеяло. На простыни ниже правого колена расплывалось алое пятно. На голени чернела припухшая глубокая ранка.

– О небо... – Валек похолодел. – Это же укусы каменной пиявки. Откуда...

– Что за крик? Нападение? – в комнату уже ломались королевские гвардейцы, из-за их широченных плеч выглядывала хозяйка в накинутом поверх ночной рубашки теплом платке из козьего пуха.

– К-кто-то подложил в постель Эду каменную пиявку. – У Валека стучали зубы, и он никак не мог унять дрожь.

– Ты?! – развернулся гвардеец к хозяйке. – Зарублю!

Женщина беспомощно вскинула руки, как будто надеялась прикрыться ладонями от клинка.

– Стойте! – вскинул руку Валек, продолжая при этом дрожать. – С-стойте. Рубкой тут не поможешь. Есть такая трава – кусачкой зовут, растет как раз на склонах Восточного хребта. – Он зачем-то ощупал сумку, хотя и так знал, что нужной травы там нет. – Она от укусов пиявки каменной – первое дело. Если собрать и принести, особенно свежую, то кровь остановит.

– Ну так беги! – приказал гвардеец. – Собирайся, я посажу тебя на свою лошадь и отвезу, куда скажешь.

– погоди! – вновь окоротил торопыгу-гвардейца Валек. – Я сейчас ногу повыше колена перевяжу, затяну жгутом потуже. Через два часа отпустите, час надо позволить крови гулять свободно, потом опять жгут затяните. Думаю, я к тому времени вернусь. Если не успею, еще отпустите на час. Давайте Эду побольше воды, чтобы кровь не густела.

Валек спешно наложил повязку и жгут.

«Каменная пиявка в болотах живет. В обжитых землях и уж тем более в городе она обитать не может, – лихорадочно соображал Валек. – Нарочно привезли, сначала человечью кровью поили по дороге, потом держали всухую, не давали дней десять ни капли, чтоб сосала кровь и не могла насосаться, чтобы слизью своей отравила тело наверняка».

– Я потерплю, – пообещал Эдгар побелевшими губами. – Сколько терпежа хватит...

– Вот она! – крикнул гвардеец, ползавший все то время на коленях возле кровати, и вонзил кинжал во что-то, похожее на черный лоскут.

В лицо ему брызнуло кровью. Гвардеец выругался.

– Умыться. Умыться срочно! – закричал на него Валек.

* * *

В предутреннем сумраке травник и королевский гвардеец вышли из дома. Гвардеец оседлал лошадь, положил позади седла свернутую запасную попону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.